

18+

Татьяна Ковтун

НЕВЕРНАЯ

Татьяна Ковтун

Неверная

«Издательские решения»

Ковтун Т. Ф.

Неверная / Т. Ф. Ковтун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552497-3

Роман «Неверная» — это масштабная семейная сага, пронизанная болью и достоинством русского крестьянства. Действие разворачивается в деревнях Пермской губернии с 1917 по 1987 годы. Автор не идеализирует героев: они ошибаются, падают, теряют детей, веру, дом. Но именно в этом — их правда. Через судьбы простых людей показано, как система ломала личность, как выживали женщины без мужчин, как дети теряли детство, а любовь — даже разлучённая на десятилетия — оставалась единственным ориентиром.

ISBN 978-5-00-552497-3

© Ковтун Т. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Мир до бури	6
Глава 1. До последнего выстрела	6
Глава 2. «Мы не рыбы»	11
Глава 3. Был бы я пчелой	16
Глава 4. Праздник на Ирмизе	19
Глава 5. «Иван-н-н»	24
Глава 6. Туфли на покосе	26
Глава 7. «Верный путь»	29
Часть вторая. Раскол	34
Глава 8. Неудачное сватовство	34
Глава 9. «Пойдёшь за меня?»	41
Глава 10. «Ты небо — я земля»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Неверная

Татьяна Фёдоровна Ковтун

Корректор Сергей Барханов

Идея обложки Ирина Ковтун

Дизайнер обложки Анна Южакова

Верстка Ольга Черных

© Татьяна Фёдоровна Ковтун, 2026

© Анна Южакова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0055-2497-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Мир до бури

Глава 1. До последнего выстрела

Ваня проснулся затемно. Он скинул с себя руку Ивана-старшего, перелез через спящего Кольку, с удовольствием потянулся и не спеша спустился вниз. Печь уже топилась, но в избе было ещё холодно, и он быстро всунул свои тощие ножонки в старые валенки, стоящие у печи. Снег ещё не выпал, но было уже морозно, и мать приготовила валенки, чтоб выходить в них в сени. Мальчуган взял со стола керосиновую лампу, толкнул всем своим тельцем скрипучую дверь, перешагнул через высокий порог и вышел в сени. Никого. Слышно только, как мать в хлеву разговаривает с коровами да отец стучит чем-то в лёднике за стеной. Ваня поставил лампу на пол, в сторонку, и направился в нўжник в конце сеней, дверь которого была открыта.

Полусонный мальчишка, неслышно скользя в своих валенках по тесовому полу, уже перешагивал порог, когда его чуткое ухо уловило какой-то посторонний звук: то ли шорох, то ли тихий разговор. Ваня точно знал, что в этот час здесь никого не должно быть. Он быстро проскочил в угол и прильнул глазом к щели между досками. С этой стороны дома отец недавно обновил изгородь из тонких длинных жердей, чтоб скотина в огороде не забредала. Сейчас в огороде было совсем темно, но как только глаз Вани привык к темноте, стало заметно какое-то движение по улице, и даже послышались фыркание лошади и осторожный стук копыт по мёрзлой земле. Затем он увидел в тусклом свете луны, как два человека перемахнули через их изгородь и, прижимаясь к стене, крадутся вдоль избы.

Ваня опрометью бросился назад, в сени, затем во двор. Отец возник откуда-то сбоку, прижал большой палец к губам:

— Тс-с-с.

Он схватил сына в охапку, внёс в сени, аккуратно поставил на пол и оставил там одного, а сам, плотно притворив за собой дверь, выскочил назад, во двор.

Ваня забежал в избу и прижался лбом к оконному стеклу. Отец выводил из конюшни уже засёдланного Ангела. Следом вышла мать с полным подойником. И тут из огорода во двор вбежали двое. Отец, огромный на фоне светлеющего неба, с силой оттолкнул одного и вскочил на коня. Ангел заржал, взвился на задних ногах, в два прыжка проскакал по двору, перемахнул через заплот и скрылся с глаз. Другой незнакомец вскинул ружьё на бегу, а маленькая, худая, как девочка, мать с подойником в руке бросилась ему под ноги. Миг — и оба они уже возятся на земле в молочной луже.

— Ах ты, ирод окаянный! Черти тебя принесли на мой двор! Всё молоко пролил! — Мать, ругаясь во весь голос, старалась ткнуть своим кулачком в рыло незнакомцу. Другой незнакомец уже выбежал из двора.

В деревне поднялся шум: ревели скотина, кудахтали куры, ржали кони, по улице бегали какие-то люди, скакали всадники. Братья проснулись и метались от окна к окну, силясь рассмотреть, что происходит.

Мать вошла в дом бледная, вся в молоке, с пустым подойником в руках, села на лавку у двери, хотела перекреститься, подняла руку ко лбу, но бессильно бросила её на колени и без конца повторяла:

— Господи боже мой, господи боже мой!..

В деревне уже слышалась стрельба. В избу ввалились сразу несколько чужих мужиков с ружьями:

— Где хозяин?

Не добившись ответа, обшарили все углы, заглянули и в подпол, и на чердак. Уходя, приказали всем через полчаса собраться на площади. Василиса Дмитриевна поняла, что с этими людьми шутки плохи, велела сыновьям собираться. Вот она, расплата за вкусную еду в будний день.

Началось всё два дня назад, когда ранним утром в деревню на двух телегах приехали хмурые люди, перепоясанные кожаными ремнями. Они собрали народ на деревенской площади и объявили, что они теперь здесь власть. Советская власть. Много толковали про войну, про голодающих рабочих в городе, а в конце объявили, что на всё про всё для их новой советской власти требуется чёртова куча всякой еды и прочего добра, поэтому военную продразвёрстку они отменять не будут, а, наоборот, увеличивают её. Временно. Люди эти были с оружием. После собрания они поехали по дворам, показывали хозяевам бумагу, повторяли сильно смахивающее на срамное, слово «мандат» и стали забирать всё, что хотели. Деньги, мол, позднее завезём.

Зашли и в некрасовский хлев, забрали овцу, только что освежёванную. Евлуп Артемьевич глазами сосверкал из-под надвинутого на лоб картуза так, что присутствующим при этом сыновьям страшно стало, а этим — ничего: закинули овцу на свою подводу и дальше поехали по дворам шарить. Вот дураки! Не знали они Евлупа Артемьевича, не знали его друзей и братьев, не то вели бы себя аккуратнее.

У Евлупа тоже ружьишко нашлось — кто ж в деревне по осени на зайца не хаживал! Почти в каждом дворе ружьецо имелось. Едва подводы с награбленным скрылись за околицей, Евлуп Некрасов с Фокой Мурзиным и другими мужиками тоже ускакали на верховых, но не вдогон уехавшей «власти», а в другую сторону. Договорились встретить грабителей в берёзнике, на Маркидоновской дороге.

Следующим утром Ваня проснулся от волшебного запаха тушёной баранины с картошкой и луком. Рот сразу наполнился сладкой слюной. «Какой вкусный сон, — подумал Ванюшка, — даже просыпаться неохота». Перевернулся на живот, с трудом разлепил глаза, глянул с полатей вниз и увидел, что это не сон: мать ставит на стол чугунок с дымящейся едой, отец нарезает на ломти каравай хлеба, братья с деревянными ложками в руках уже сидят за столом. Ваня мигом слетел с полатей на тёплую печь, по ступенькам приставной лесенки пропрыгал на пол и шмыгнул на своё место за столом.

— А рожу кто будет мыть? — Отец поднял зажатую в кулаке ложку, чтоб треснуть сына по неумытому лбу, но тот уже метнулся в угол, за печку, к рукомойнику. Наконец вся семья собралась за столом. Отец вполголоса произнёс слова молитвы, перекрестился на икону, и утренняя трапеза началась.

Ваня уплетал вкусное варево и размышлял, в честь чего вдруг сегодня с утра такой пир. Обычно даже по большим праздникам, когда съезжалась вся родня, не бывало по утрам такого изобилия. Спрашивать было нельзя, а взрослые молчали. Видать, не к добру этот праздник в будний день.

Обед был таким же обильным, и даже за ужином остатки не смогли доесть. Отец с мужиками весь день толковали о чём-то на заднем дворе. Ваню от неожиданно наступившей постоянной сытости клонило в сон, и он даже поспал после обеда на печке, чего раньше с ним не случалось.

И вот эти люди вернулись. Что теперь будет? Братья нехотя стали собираться на площадь. Площадью называлась большая поляна посреди деревни, перед домом Семёна Ильича, самого богатого в Осиновике мужика. Дом был знатный, с высоким парадным крыльцом, выходящим прямо на улицу, с гульбищем со стороны просторного двора, с маленьким оконцем под коньком, крепким заплотом и высокими тесовыми воротами. На противоположной стороне улицы, в широком промежутке между домами, росло несколько высоких черёмух, и стоял обществен-

ный колодец-журавель. За колодцем широкий луг полого поднимался на кудрявую Осиновую гору. В тени черёмух заботливые жители поставили пару скамеек.

Как бы само собой образовалось удобное и красивое место в самом центре деревни. Здесь бабы у колодца собирали все деревенские сплетни, мужики, присев в тенёчке после трудового дня, обсуждали свои крестьянские дела. Летними вечерами молодёжь устраивала игры на лугу. Черёмуха здесь была самая крупная и сладкая во всей деревне, и ребятишки ловко лазали с ветки на ветку, лакомясь ягодами, а наевшись досыта, собирали их кто в туески, кто в корзинки. До чего же вкусны зимой пироги с толчёной черёмухой и мёдом!

А какой красивый вид открывался от колодца. На улицу глянешь — глаз радуется: всё здесь родное, дома стоят хоть и разного достатка, но все опрятные, перед каждым двором аккуратный лужок и обязательно палисадничек с кустиком калины или рябинки, с марьиным корнем и саранками.

Глянешь на луг, на Осиновую гору — сердцу отрада: васильки и цикорий, ромашки и геранки, и земляничка в июне, а ближе к июлю клубничка краснеет своими сладкими ягодами-пуговками. А дух какой стоит над лугом — не надышаться.

Зимой снег белый-белый, будто драгоценными бриллиантами усыпан, искрится, сияет на солнце. На самодельных лыжах с горы едешь долго-долго, всё набирая скорость по пути, а солнце слепит глаза, и деревня стоит вся в сиянии.

И вот на эту благословенную площадь ранним ноябрьским утром собрались встревоженные жители Осиновика. Ничего хорошего не ожидали они от этого собрания, но то, что случилось после, повергло всех в ужас.

На высоком крыльце дома Семёна Ильича стоял, широко расставив ноги, среднего роста мужчина со стальным блеском пронзительных глаз, в кожаной тужурке, перепоясанной потёртыми ремнями. Он держался по-хозяйски, на всякий случай засунув руки в оттопыренные карманы. Придирчиво оглядывал собравшихся, особенно вглядываясь в лица людей мужского пола от мала до велика. Однако взрослых мужиков на площади почти не было. Сам Семён Ильич, невысокий, ещё крепкий старик, смиренно стоял в первом ряду толпы. Он внимательно рассматривал мёрзлую землю у себя под ногами, иногда осторожно посматривал под крыльцо, где толпилось несколько его односельчан со связанными руками и битыми рожами. Среди них, он знал, должен быть один из его сыновей, но он его не видел.

Пленённых мужиков охраняли двое с оружием. Поднять глаза выше, на стоящих на крыльце людей, Семён Ильич запретил себе, чтоб они не смогли по глазам прочесть его мысли. За его спиной стояли жена, две невестки и пятеро внуков-подростков. Толпу собравшихся на площади жителей Осиновика по периметру охраняли конники, так же перепоясанные ремнями и с оружием в руках. Получалось, что все жители Осиновика оказались в плену, но только у некоторых из них были связаны руки.

На крыльце стоял бывший балтийский матрос Павел Бедкин вместе с двумя товарищами. На самом деле Пашка был уроженцем соседней волости, и все окрестные деревни знал, как свои пять пальцев. Уродился Пашка мечтательным, романтичным пареньком в обычной семье, но к тяжёлому крестьянскому труду был совсем не расположен. Прочился в сельской школе, как положено, одну зиму, научился читать, писать и считать. Этих знаний было достаточно для жизни. Отец, не дождавшись от старшего сына помощи в хозяйстве, отдал его в поводыри слепому Николе. Глядишь, как-нибудь на подаяниях прокормится, всё одним ртом в семье меньше. Так и бродил парнишка со слепцом по окрестным и дальним деревням, а как подрос, ушёл в Красноуфимск, на завод. Пыль и грохот завода после вольных скитаний по приуральским угорам и перелескам показались Пашке сущим адом. Его манили новые дороги. Эти дороги и довели его аж до самого Балтийского моря. Брюки клёш, бескозырка с лентами, широкий ремень с пряжкой и чёрный бушлат с блестящими пуговицами — всё это досталось Пашке после его деревенских лохмотьев. Да это ж красота неопишная! А город? Это вам не

Челяба, не Златоуст захудалый, сам Санкт-Петербург! Царский город. Самого царя, однако, Пашке увидеть не довелось, хоть и хотелось. Вот бы братуха Анисим удивился и позавидовал бы.

Зато Пашке удалось поступить в электротехническую школу при учебном отряде Балт-флота, и к двадцати четырём годам он из полуграмотного попрошайки превратился в унтер-офицера, умеющего к тому же мастерить морские мины. Это вам не хухры-мухры — головокружительная карьера! Пашка спал и видел, как раскроет рты деревенское мужичьё, увидев его теперешнего. Мечтал он покрасоваться перед односельчанами в новом своём солидном облике, но отпуска ему так и не дали. К тому же началась мировая война, и тут уж точно стало не до отпусков, а вот новая профессия пришлась даже очень кстати. Всю войну Пашка трудился в минных мастерских Финского порта. Дело это требует внимательности и сноровки, но зато от участия в военных действиях Бог его до времени уберёт. Здесь, в минных мастерских, Бедкин близко сошёлся с важными людьми. Книжечки интересные стал читать: про справедливость, про братство народов и священную борьбу за освобождение от власти господ. Вспомнил, как вместе с горемычным слепцом Николой стучался в ворота зажиточных мужиков, как вкусно пахло в избах свежим хлебом и мясными щами, а им с Николой совали в суму сухари да репу. Бывало, конечно, и за стол посадят или молочком напоят, но это далеко не каждый день. В родной его семье особо не голодали, но и досыта ели нечасто; так ведь мужиков-то было — батя да малолеток Аниська, а девок полна изба. Приходилось и батрачить порой на всяких там Селяниновых да Суетиных. Не сказать, чтоб сами хозяева работали меньше батраков, и ели все из одного чугунка, но всё равно обидно.

«Погодите у меня, живоглоты, вот кончится война, разберусь я с вами, всё вам попомню, — так думал Пашка, всё больше распаляясь, и посылал брату в родную деревню посылку за посылкой с заветными книжицами.

Но царская охранка была начеку: посылочки его своевременно конфисковала, а брату строго наказала выкинуть всю дурь из головы, что он и сделал с облегчением. Больно уж мудрёные книжки Пашка присылал, никак Аниська не умел соотнести их со своей бесхитростной жизнью.

Тут грянула февральская революция. Пашка поставил на партию большевиков и не прогадал — уже в октябре большевики взяли власть в Петрограде. У Пашки началась его настоящая большая жизнь. А летом восемнадцатого года, с мандатом за подписью самой Елены Стасовой, Пашка заявился в родную Дубовую Гору.

Анисим, конечно же, слышал, что где-то там, далеко, в Петрограде, власть опять переменялась, но у них в Дубовой Горе всё пока шло своим чередом. Анисим обновлял изгородь вокруг своей усадьбы и обдумывал, как бы к будущему году заготовить лесу для строительства новой избы. Солнышко припекало, ветерок приятно освежал взопревшие подмышки, под размеренное туканье топорика мысли текли спокойно, обстоятельно. Война закончилась, мужики, кто остался жив, возвращаются помаленьку. Ну а что власти? Жили при царе, пожили и без царя, небось, и к новой власти как-нибудь приноравимся. Анисим всадил топорик в стоящую рядом колоду и повернулся за приготовленной заранее жердиной. Вроде чужой кто-то свернул с дороги на тропку к дому? Одет чудно, сам с чемоданчиком, улыбается, машет рукой. Да кто же это?

— Здорово, братушка! Что, родного брата не признал?

— Вот те на! Да неужто Пашка?

— Он самый. Павел Иванович Бедкин, специальный уполномоченный из самого Петрограда. Признайся, не ожидал, что брат твой большим человеком станет? Я и тебя в люди выведу. Кончай старые огороды городить, будем новую жизнь строить!

И вот Пашка стоит на высоком крыльце, в каждом кармане по нагану, рядом верные товарищи, да и вся деревенская площадь окружена ими. С лета Пашка командир особого «лету-

чего» отряда, борется с кулачьем да прочими врагами советской власти. Сейчас перед ним старики, бабы и мелюзга. Пашка объявил собравшимся о вероломном нападении на «красный» обоз, вёзший харчи для голодающих рабочих. Предложил добровольно выдать напавших на обоз бандитов. Толпа молчала. Никто не считал своих близких бандитами. Скорее наоборот, бандитами считали незваных гостей. И так по prodразвёрстке всю войну почти задарма отдавали бóльшую часть собранного урожая, а теперь — снова здорово! — опять забирают всё подряд. Рабочие у них голодают? Дак пусть работают шибче да плотют справедливую цену за харчи. Небось, не задарма на своих заводах работают. Нам, небось, тоже кусок-от даром не даётся. Примерно так думал каждый осиновец.

Молчат, набычились. Хоть пытай их, хоть как мучай — не выдадут, куда их мужики утекли. Ну и ладно, для острастки хватит нам и тех, кого успели схватить, кто сейчас под крыльцом. Товарищ Ленин учит быть беспощадными к врагам.

— Ну что ж, граждане, воля ваша! Не хотите по-хорошему, будет вам по-плохому. Советская власть справедливая, но к врагам своим суровая и беспощадная!

Площадь всё так же молчала, опустив головы.

Пашка начинал нервничать, его вороной конь с белыми ленточками на задних ногах тревожно заперетоптывался внизу, у крыльца, замотал мордой, негромко всхрапывая. Подмога бунтарям могла появиться каждую минуту. Пашка кивнул своему помощнику Ване Катаеву — дескать, будьте начеку. Конвоирам скомандовал твёрдо, коротко, с совсем небольшими паузами:

— Выводи! Заряжай! Пли!

Грянул недружный залп. Стреляли торопливо, почти в упор. Пленники, глупо тараща глаза, попадали на землю. Народ на площади обомлел. Такого ещё никто не видел и не ожидал. Ещё не развеялся дым от выстрелов, а уж где-то, совсем близко, застучали копыта по мёрзлой дороге. Все повернули головы на этот звук и бросились кто куда: только что потерявшие своих кормильцев бабы и ребятишки — к своим убитым, конвоиры-палачи — прятаться за угол дома да перезаряжать ружья, готовясь к бою, конные укрылись в черёмуховой рощице, остальные жители разбежались по своим избам.

Осиновские мужики во главе с Евлупом Некрасовым с одной стороны да с Фокой Мурзиным с другой ворвались на площадь, и Пашкин летучий отряд после небольшого боя еле ноги унёс, потеряв одного бойца. Да остался лежать на груди своего расстрелянного сына убитый случайной пулей Семён Ильич.

В тот раз братья Некрасовы видели своего отца в последний раз — летящим на коне впереди всех на вырчку своим деревенским товарищам.

Глава 2. «Мы не рыбы»

Так в Осиновике началась Гражданская война. Крестьянская война. В считанные дни она захватила весь Осинский уезд, а также и Оханский, и Красноуфимский. Скоро вся Пермская губерния пылала огнём, будто спичку кто поднёс. Поделился весь народ на белых да на красных, хоть морды у всех какими были, такими и остались: в основном деревенскими.

Красные и белые всё скакали то туда, то обратно, воевали друг с другом за околицами родных деревень, устраивали какие-то собрания, но из мужиков в деревне остались лишь старики да дети, бабам же было не до собраний — успеть бы по хозяйству управиться. А хозяйство у всех значительно поубавилось: на нужды революции то красные, то белые забирали лошадей, коров, бараньи и свиные туши, муку, яйца и другие припасы. Бывало, забирали оставшихся дома немногих мужиков, били, а иногда и убивали. Ближе к Рождеству стали слышны взрывы. Говорили, что взрывают железную дорогу, которую ещё до большой войны начали тянуть от Казани в Екатеринбург.

Ночью Кольке снился огромный рыжий таракан. Таракан сидел на его босой ноге и щекал своими усищами. Колька решил раздавить злодея; так и не проснувшись, он подтянул другую ногу к животу и со всей дури пнул спящего рядом Ваню. Довольный, что наказал таракана, Колька повернулся на другой бок и уткнулся носом в подмышку Ивана-старшего. От Колькиного пинка Ваня проснулся. По стенам избы качнулся и протянулся за печь свет керосиновой лампы. На окно поверх задергущек была накинута толстая материна шаль. Ваня замер, вслушиваясь в неясный шорох. В избе явно был кто-то ещё, иначе почто бы матери занавешивать окна да жечь лампу среди ночи на полу, за печью. Свет вновь полоснул по стенам, мать вышла с лампой в сени, негромко пошумела в чулане, вернулась. Сквозь щель полатей Ваня увидел большой отцовский валенок. На печи похрапывали дед с бабкой. Ванюшка приподнял голову, но увидел лишь материнский платок — мать присела на лесенку у печки. Мальчишка решил не выдавать себя.

Мать негромко причитала:

— Лупа ты мой Лупа. Ну, почто ты, Лупа, опять уходишь? Остайся, хватит уж воевать. Всё одно вам их, супостатов, не одолеть. У нас с тобой сыны ещё не оперились. Кто их защитит, кто в люди выведет?

— Ладно, Василиса, не шуми. Недолга их власть над нами, Бог не допустит. Ну а кто же ему-то пособит, окромя нас? Иду я Василиса за Господа нашего, за Иисуса Христа воевать! Они, антихристы, вишь ли, самого Господа решили отменить.

— За Господа?! Ох, Лупа ты, Лупа! Не много ль ты, Лупа, на себя взять возомнил? Да на кого же меня-то оставишь? Кто же сынов твоих сохранит? — опять запричитала вполголоса мать.

— Не бойсь, Бог сохранит!

«Бог сохранит», — уже сквозь сон слышал Ваня отцовский голос. Утром только по красным глазам матери он понял, что услышанное ему не приснилось. Мать и словом не обмолвилась, что ночью приходил отец, а мальчишке отцовские слова крепко запомнились. Теперь Ваня мнил отца могучим богатырём, раз, оставив свою семью, тот отправился самого Господа Бога из красного плена выручать!

«Ишь, чего удумали: Бога нет! Антихристы! Куда же он мог деться? Всегда был — и вдруг не стало? Ничего, отец его отыщет и спасёт!» — так думал маленький Ваня, выстрегивая себе ружьё из обломка жердины.

Эту зиму они впервые зимовали без отца. Тогда ещё ждали победного исхода схватки, не могли представить иного. Январь выдался снежный да морозный, а незадолго до Крещенья случилась небольшая оттепель. В тот день Ваня с Колькой бегали вокруг недостроенного

дома, расстреливая друг друга снежками. Потом старшой колол дрова во дворе, а они с Колькой таскали их под навес, складывали в поленницу, чтоб просохли на ветру и снегом их не запорошило.

К вечеру парни устали и проголодались, а мать всё не звала ужинать. Ваня с Колькой уселись рядом на кóзлы для пилки дров. Иван-старшой убрал топор в сарай и расположился рядом на здоровенной колоде.

Их тела стремились к отдыху, пустые животы уже сводило от голода, а глаза наблюдали, как темнота пожирает закат. Ваня любил смотреть, как из ниоткуда на небе возникают звёзды, одна за одной. Он старался угадать, в каком месте неба появится новая звёздочка. Пристально всматривался в пустой и тёмный кусок неба до тех пор, пока из глубин этой черноты не появится едва заметная светлая точка, и чем пристальнее он смотрел на неё, тем ярче она разгоралась.

Это наблюдение за тем, как вечер переливается в ночь, всегда завораживало его. Всегда это было по-разному и всегда одинаково. Иной раз небо заволакивали тучи, и темнота опускалась не с неба, а напозла с краёв земли. Иногда облака играли с закатным солнцем, пока оно не заваливалось за Осиновую гору, и тогда облака начинали играть с луной, а звёзды то вспыхивали, то опять исчезали за облачком; но бушевал ли ветер или стояла тихая погода, неизменно день сменялся ночью.

Василиса в тёплом полушалке вышла на крыльцо, позвала сыновей ужинать. Мальчишки тщательно обмели валенки от снега, отряхнули заснеженные спины друг другу и юркнули в сени. Она уже закрывала за парнями дверь на крючок, когда раздался скрип шагов, кто-то дёрнул дверь.

— Погодь, Василиса, открой.

— Ты, что ль, Фетис?

— Я, сестрица. И Фока Мурзин со мной. Впусти.

Василиса впустила гостей, от них веяло бедой. Вошла в избу вслед за гостями, взгляделась в скорбное, виноватое лицо младшего брата. Она уже всё поняла, но не хотела верить, оттягивала время, выпрашивая строго пришедших:

— А Лупа где ж? Почто не пришёл? Я его ждала, не вас.

Потом она кричала, била Фетиса в грудь своими маленькими сильными кулачками, будто это он во всём виноват. После тихо плакала.

Фетис рассказал, что бьются они с красными под Дубовой горой с самого Введения. Народу полегло уже страсть сколько с каждой стороны. Что надо бы, пока не рассвело, вывезти своих да похоронить по-людски, а подвод не хватает. Василиса потихоньку пришла в себя, накормила всех варёной картошкой да солёными огурцами. Решено было, что Иван-старшой поедет с ними на подводе, похоронит отца на деревенском кладбище и вернётся.

Ваня запомнил, как брат, так похожий на отца, в заячьей шапке и овчинном полушубке, наклонившись перед низкой дверью, выходит из избы, а мать крестит его в спину.

Иван-старшой к утру не вернулся, как обещал. Не вернулся он и в другие дни. Поздней весной фронт ушёл дальше на восток, и мужики, кто остался жив, возвратились домой. Они честно воевали за свою землю и проиграли. За чужую землю пусть другие воюют. Победы не случилось, а землю пахать надо. Значит, так тому и быть.

Вернулись и Фетис с Фокой. Фетис рассказал, что Иван-старшой не захотел тогда возвращаться домой и вступил в их отряд вместо погибшего отца. А теперь будто бы Иван ушёл на восток вместе с самим Колчаком, верховным правителем России, воевать дальше.

— Да мы и не хотели его брать, сами знаем, что малец ещё, да разве ж некрасовскую породу переспоришь? — слабо отбивался Фетис от упрёков сестры.

— А теперь почто с собой не привели? — наступала Василиса.

— Чай, не телок он, чтоб его на верёвке водить. Парень пороху понюхал, сам себе голова.

Летом жив-здоров появился Иван-старшой. Сказал: на побывку. Мать, вне себя от радости, усадила сына за стол. Иван, хлебая жидкие щи, со смехом рассказывал о своих приключениях.

— Ну, я вдарил этому уроду промеж глаз, и понеслось! Мбхались с ним до кровавых соплей, еле растащили нас. Меня — в кутузку, охолонуть. А тут враз красные налетели! Наши все ушли, а я остался. Сижу один в сарае, морда битая, одёжа на мне крестьянская, оружия нет. Когда меня краснопёрики нашли, я, не будь дурак, в ноги им кинулся: мол, дяденьки, родимые, неужто бог мне вас послал! Я, мол, в лес поехал — ёлку на дрова срубить, у меня там ёлка одна хорошая ещё с лета подсочена, а тут черти белогвардейские налетели, схватили меня и к себе в плен повезли — думали, я шпиён. И далеко уж увезли, гады. А меня дома мамка да два брата малых ждут, убиваются.

Иван-большой был страшно доволен, что обхитрил краснопёриков. Но и они его обхитрили: побили для порядка, а потом в своё войско зачислили, чтоб наверняка узнать, какого он цвета: белого или красного. Но там, далеко от родной деревни, для семнадцатилетнего парнишки чужими были все, и не было особой разницы, на чьей стороне воевать, остаться бы живу. Выходит, теперь Иван-старшой воевал со своими.

— А вы как тут управляетесь без меня? — Брат, насытившись, положил ложку на стол, оглядел родных.

Ему предъявили потерю: весной у бабы Поли закружилась голова, видать от голода, она упала в голбец и сильно расшиблась, а вскорости померла.

Иван погостил денёк и ушёл в Софино — сказал, навестить сестру Степаниду. Вернулся через три дня с молодой женой, безответной сироткой Анной.

— Вот, маменька, помощница тебе.

Сам погостил ещё денёк и опять уехал на войну, теперь на Украину.

Новые власти хозяйничали в деревне решительно: объявили военный коммунизм и на этом основании выгребли из крестьянских закромов весь хлеб, даже и посевной. Дескать, в городе опять рабочие голодают, а вас Бог прокормит. Ваня слушал эти рассуждения и не мог понять, отчего же эти рабочие при прежней власти не голодали? Может, даже и не ели досыта, но такого грабежа деревни не было. Вывод сделал такой: Бога они отменили, вот и голодают теперь.

— Ага, голодают небось! Мне брательник письмо прислал, он в Екатеринбурге на железной дороге служит, дак пишет: на вокзале у них все платформы мешками с мукой забиты. Отправлять не успевают. А уж куда они всё это увозят, бог его знает, — делился новостями Фока Мурзин.

— Небось, прихватил твой брательник себе мучицы-то мешок-другой?

— Ага, как же! Там солдатами всё оцеплено — мышь не проскочит.

Но Бог не позаботился и о деревенских жителях. Сеять весной стало нечего, а и то, что посеяли, сгубила засуха. Дождей не бывало, как сошёл снег и до Ильина дня. По сухой земле пошли трещины толщиной в руку. Коров гоняли на выпас в урему, на лугах им есть было нечего — выгорело всё подчистую. Отощавшая так, что видны были рёбра на боках, чудом уцелевшая в войну старушка Маня почти не давала молока, а ранней осенью и вовсе перестала вставать. Маню прирезали на мясо.

Вслед за Маней умер с голоду дедушка Артемий. Отмучился. Одним едоком меньше.

В головах сельчан бродили мысли: «Может, в город податься? Туда весь хлеб увезли, может, там теперь сытнее? Да где он, этот город? Ищи его». Некоторые, и правда, уходили. Назад не возвратились.

На екатеринбургском вокзале теперь складывали штабеля из трупов умерших от голода крестьян, которые отправились в город вслед за вывезенным в прошлом году хлебом.

Некрасовым уходить было некуда, да и нельзя. Надеялись всё же, что когда-нибудь вернётся Иван-старшой с войны. Другие-то возвращались. Значит, надо как-то выживать здесь, в Осиновике. Всё лето Анна с Колькой и Ванюшкой изо дня в день таскали вёдрами воду из речки, поливали картошку и прочую огородину, пока речка не пересохла. В общественных колодцах-журавлях воды тоже было мало, её на полив брать не разрешалось. Мальчишки каждую свободную минуту слонялись по логам, выискивая в душных зарослях пиканы, пистики, боржовки, другую съедобную травку. Иной день это была единственная их еда.

Осенью собрали с огорода картошку, репу, калегу, капусту — жалкая мелочь, едва хватит себе на прокорм. Если постараться, останется картошка и на посадку. На продажу — ничего, а ведь коровы у них теперь не было. Парни растут, обувь, одежда носятся. Боялись, что опять придут уполномоченные за продразвёрсткой. Чем платить? Как защититься? Василиса с Анной каждый вечер подолгу стояли на коленях перед иконами. Больше защитить их было некому.

Зима выдалась жуткая: длинная, холодная и голодная. Хорошо ещё, что в деревне снова открыли школу, и Ванюшка бегал туда учиться грамоте, чтоб хоть ненадолго забыть о еде. В школе было ужас как холодно. Учительница была приезжая, с круглыми, как у рыбы, глазами. Писала углём на доске «Мы не рабы»; Ванюшка смотрел, как она пучит свои рыбы глаза и смешно шевелит губами, и выводил угольком, зажатым в окоченевших пальцах, на своей дощечке: «Мы не рыбы». Учительница сердилась на его бестолковость, все смеялись, становилось чуть-чуть теплее. Ванюшка был доволен.

Да, трудные довелось им пережить времена. Трудные. Школу Ванюшка к концу зимы забросил, но частенько вспоминал тех рабов, о которых толковала учительница.

— Если мы с мамкой тут, в деревне, не рабы, — думал Ваня, — то как же тяжело настоящим-то рабам живётся! — И мальчуган от души сочувствовал далёким неведомым рабам.

Но всё проходит. Прошла и эта зима. Весной всем на радость отменили продразвёрстку, да только и твёрдый налог надо чем-то платить. Общинную землю, где и у них всегда был свой пай, ещё в девятнадцатом забрали в собственность государства и образовали товарищество. Молотилку забрали тогда же. Да и кто теперь будет пахать да сеять? Две бабы да двое пацанов? И для чего пахать, если опять всё заберут? Прошлую весну и лето Колька с Анной отработали в товариществе за два мешка муки — одним-то огородом не прокормишься.

Зима подходила к концу. Ванюшка грелся на солнышке. Стоял, привалившись спиной к тёплым брёвнам избы, ловил в ладошку капель с крыши и мечтал о горячих картофельных лепёшках в честь Сретения, которые Анна уже скоро станет доставать из печи. Мать говорит, что в этот день зима с весной встречается. Так оно и есть, — думал Ванюшка. — Вон капель как стучит—звенит, весну зовёт. Хорошо! Хорошая встреча, правильная. И солнышко греет, и капель, и лепёшки картофельные. А вчера они с Колькой на речку ходили, наломали вербы и поставили в банку с водой под иконой.

— Здорово, братуха! Не меня ли встречаешь?

Вот так Сретение! Вот это встреча! А они уж и ждатель-то отчаялись. Ванюшка бросился в раскрытые объятия вошедшего во двор совсем взрослого мужика в солдатской шинели, в котором он сразу узнал старшего брата.

С возвращением Ивана-старшого их жизнь стала быстро налаживаться, будто только того и ждала, когда в семью вернётся настоящий мужик. Ивану-старшому стукнуло двадцать два года. В этот раз он уже не рассказывал ни о каких своих приключениях, недовольно отмахивался от настойчивых расспросов братьев:

— Что рассказывать? Война — она и есть война. Кончилась, и слава богу. Ну а как у вас? Про НЭП слышали? Вместо военного коммунизму теперь будет.

На войне Иван-старшой здорово подковался в политике, разные новые слова узнал. Младшие тоже не отстали.

— Да уж слышали. Твёрдые налоги нам ещё когда-а-а назначили, а насчёт свободной торговли одни только разговоры. Да и чем торговать-то теперь?

Этот разговор прервали неожиданные гости, деревенские начальники: присланный из Лайги новый председатель сельсовета Кузьма Артемьев да свой, местный Прошка Кузьмин, секретарь парт ячейки. Прошка был самым захудалым мужичонкой в Осиновике, у которого вечно всё из рук валилось. Доброй изгороди вокруг своей избёнки сроду не поставит, вечно чужая скотина в его огороде пасётся, а теперь — гляньте-ка, секретарь партийной ячейки. Вошли в избу без стука, шапок не сняли и на образа не перекрестились.

— Доброго здоровья, граждане...

— Некрасовы, — подсказал Прошка.

— Доброго здоровья, граждане Некрасовы! Мы, законные представители советской власти, пришли вам сообщить, что советская власть продолжает заботу о советском крестьянстве.

— Чё пришли сказать-то, люди добрые? — Иван-старшой военных начальников над собой уже не имел, а перед местными трепетать не намеревался.

Кузьма смутился, Прошка тряхнул жидкой бородёнкой, подбоченился, проблеял тонким голосом:

— Землю завтра делить будем. Бессрочная аренда. — Сел на лавку у порога, раскрыл на коленях большую тетрадь, послунывил химический карандаш, отчего губы его стали синими. — По количеству душ. По две с половиной десятины на душу. — Прошка со значением поднял вверх указательный палец. — Вас сколько душ будет?

Прошка переписал всех Некрасовых в тетрадь. Кузьма откашлялся, прошёлся по избе до стола и обратно, важно произнёс, глядя на старшого:

— Ещё советская власть выдаст вам кредиты на покупку семян для посева, на сельхоз-технику. Расчёт осенью, после сбора урожая. За оформлением приходите в сельсовет. Да, и не проспите, завтра в восемь утра всем быть на площади.

Гости ушли. Хозяева обдумывали произошедшее. За последние годы чего только они не пережили. Сначала коммунисты кричали: «Земля — крестьянам! Власть — Советам!» Власть они Советам своим вручили и тут же издали декрет, по которому вся земля, а с ней и «средства производства» отошли в собственность государства, потому как забоялись, что земля крестьянская вместо хлеба им вдруг обратно капитализм родит.

— Хороша забота: сперва всё забрали, а теперь кредит дадут, чтоб новое купить! — выругался старшой.

Глава 3. Был бы я пчелой

Некрасовым достались наделы далеко от деревни. Сговорившись с десятком таких же неудачливых семей, решили выехать на жительство поближе к своей земле. На помочь по случаю переезда три раза собиралась вся родня: братья отца Спиридон, Ефим и Гурьян, братья матери Фетис и Василий. И Фока Мурзин, друг погибшего отца, со своей роднёй тоже помогли. Им самим переезжать не надо было.

До начала посевной успели раскатать, перевезти и снова собрать и старый домик, и новый сруб, и баньку. Посовещались с соседями и назвали свой выселок Садок. Такое хорошее название — весёлое, ласковое. «Счастливая весна нынче выдалась», — радовался Ванюша. Радовались и все домашние. Весь люд крестьянский ликовал. Никто уже не вспоминал, как жили до всей этой революции. Живые радовались, что живы, что голодные годы теперь уж точно позади. Ну, подумаешь — Советы. Им и царь был не особый указ, проживём и при Советах.

Длинное поле сразу перед домом, да целина на Битохе, всего в полутора километрах, да покос, да пальники, да неудобницы. Ничего, хватит и этого. Дядя Фетис отдал свою лошадь. На кредит купили не только семена, но и корову. Хорошо жить, когда нет войны, когда поле — вот оно, своё, раскинулось прямо под окнами, парит, ждёт хозяйской заботы.

К усадьбе Некрасовых справа примыкала небольшая рощица: пять огромных черёмух с краю, берёзки да ёлочки, и дубки попадаются, и ольхи, а с другого края отдельно стоящий большой раскидистый клён. Весёлая такая рощица, опрятная. Черёмухи цветут — голова кругом, до чего запашистые. Ветерок подует — будто снег мимо окон летит.

Рано утром проснулся Ваня от звона за окном, будто кто серебряные монеты из огромной горсти в горсть пересыпает. Удивился — что это? Может, в ушах звенит? Потряс головой — нет, не в ушах. Может, мать корову уже вышла доить и это упругая струя молока так звонко бьёт по дну подойника? Нет, тот звук Ванюша хорошо знал, не то это. Выбежал во двор, на росу, и услышал оглушительный птичий гомон в роще. Поют, свистят птахи небесные на все голоса, жизни радуются, утро славят. И все их песни сливаются в один этот серебряный звон.

А солнце ещё только пробивается сквозь тонкие ветки с молодой, нежно-зелёной листвой, ещё не поднялось над рощей, не высушило сверкающие разноцветными переливами капли росы. Ванюша захотел увидеть этих чудесных птиц вблизи, вошёл в рощу, ступая босыми ногами по чуть заметной тропинке, которую сам же успел протоптать. А птицы дразнят, на глаза не показываются. Одна кричит: «Петя, Петя, Петя!» — «Нет, я не Петя», — отвечает ей Ваня. Другая всё спрашивает: «Витю видел? Витю видел?» — «Нет, не видел», — смеётся Ваня. Третья трещит: «Ты куда? Ты куда?» Так дошёл Ваня до полянки, среди молодой зелени которой будто небольшое круглое озерцо из нежно-голубых незабудок разлилось.глянул вверх — а там круг неба ровно такого же нежно-голубого цвета, а по краям узор из зелёных верхушек деревьев. Глянул опять вниз, на голубую полянку, и замер от восторга. Словно небо на землю выплеснулось, вот она, благодать божья! Вспомнил последние слова отца: «Бог сохранит», — и от всего сердца воздал благодарение Господу за то, что сохранил его, такого маленького и беззащитного, на этой огромной, временами жестокой и страшной, а теперь такой прекрасной земле. Слава тебе, Господи! Слава тебе, Господи! Слава! Почудилось ему, будто в эту минуту сам Господь взирает на него сверху и благословляет на долгую и счастливую жизнь, а рядом с Господом, по правую от него руку, сидит его отец, Евлуп Артемьевич, и улыбается: дескать, у меня всё хорошо, сынок, и у тебя теперь тоже всё будет хорошо. Слёзы выступили у Ванюшки на глазах. Он поднял лицо кверху, раскинул руки, вдохнул полной грудью благоуханный воздух земли. Подумалось ему: «Ещё немного — и воспарю!» Но нет, крепко стоял он на ногах, только сил будто прибавилось в нём многократно. Троекратно перекрестился Ваня прямо на небо и, обновлённый, поспешил к дому.

В первую же весну посеяли и рожь, и горох, и гречиху, и пшенички чуток. Ещё по снегу на неудобьях Ваня посеял клевер. Но больше сеяли лён, он хорошо тут рос, на целине. Осенью лён рвали, трепали, мяли, вязали в пучки и продавали на ярмарке в Бую. Братья работали в поле, мать с Анной — дома и в огороде. Осенью урожай собрали, а тут опять незадача: закупочные цены такие мизерные назначили, что ни за кредиты, ни по налогам по гроб жизни не рассчитаться. Пришлось опять побузить. Ну, как-то всё утряслось всё же. Ладно. Стали дальше жить.

В этот год решили немного пшенички посеять на Битохе. Ваня скинул фуфайку и вышагивал по пашне с лукошком на шее в одной холщовой рубаше. Солнце припекало, хотел и шапку снять, да уж поздно, среди поля не бросишь. Шёл вровень с Николаем, не отставал, хоть ноги у брата куда длиннее. Николаю уже в пору стал старый отцовский пиджак, и фуражка на нём тоже отцовская. Ваня искоса поглядывал на брата: какой-то он смурной сегодня. Может, задумал что?

Обедать сели без старшего, тот пахал далеко от них, обедал один.

— Кольк, а Кольк, а ты с кем сейчас на пашне говорил? — Ваня хрустнул солёным огурцом. — Чё молчишь? Я ж видал, как ты губами шевелил. Поглядел вокруг — нет никого, птички только цвиркают, а ты вроде как разговариваешь, башкой машешь.

Николай не спеша прожевал печёное яйцо, закусил солёным огурчиком с картошечкой, запил квасом. Затем на кусок ржаного хлеба положил толстый ломоть солёного сала, двумя руками поднёс сначала к носу, с наслаждением втянул запах ноздрями, закрыв глаза, широко открыл рот и откусил едва ли не половину.

— Здоров же ты пожрать, братуха! Гляди, не лопни!

Ваня подобрал с расстеленного полотенца хлебные крошки, закинул в рот. Полотенце аккуратно свернул, убрал в корзинку.

— Не бойсь, не лопну, — добродушно пробурчал набитым ртом Николай.

Насытившись, братья разлеглись на полянке, подставили лица солнышку.

— Уйду я от вас, Ваня. Ей-богу, уйду. Ты, покуда не говори нашим, а то мать ругаться станет.

— Ругаться? Возьмёт лутошко да отмутузит хорошенько! Далёко ли собрался? Присмотрел уже место, где булки прямо с неба падают?

— Митроха наемни сказывал, на железной дороге люди нужны. В Куеде, правда, станцию уже отстроили; ну, небось, на всей-то дороге не одна станция, найдётся и про меня дело.

— Ты, гляжу, всё уж обдумал. Хорош. Не, Колька, мать тебя не отпустит.

Ваня перекатился на бок, упёрся локтем в землю, голову положил на раскрытую ладонь и смотрел теперь на брата с удивлением и завистью.

— Можно подумать, старшой её разрешения спрашивал, когда на войну убегал. В мои-то годы он уже и повоевал, и Анну к нам привёл.

— Дак и ты приведи кого-нибудь, вон хоть Маруську Кузнецову. Видал я, как в прошлое Рождество она на тебя зырила.

— Дурак ты, Ваня.

— Сам дурак. Ты вот лучше скажи, что ты такое делать можешь, чтоб на железной дороге работать?

— Да что скажут, то и могу. Вот хоть плотничать. Инструмент от отца сохранён.

— Лучше бы ты, Колька, этим инструментом косяки для нового дома выстругал.

Ваня отвернулся. Колька хотел ещё что-то сказать, да промолчал. Прав Ванька, не умеет он косяков для дома сделать, а прямою-то доску всякий выстругает.

Колька этой весной так никуда и не ушёл. А на Троицу из Куеды приехал дядя Вася. Как раз обедать собирались. Ваня у окна сидел, смотрел, как озимая рожь на их поле волнами под ветром ходит, а тут телега к дому подкатывает. Вот радость-то! Дядя Вася, дорогой гость,

нечастый, но зато всегда с подарками, на этот раз вошёл в избу с пустыми руками, но подарочек припас, как оказалось, такой, цены которому нет. Всю жизнь этот подарочек Ваню выручал и душу радовал.

Как отобедали, дядя Вася расправил свои пышные усы, испытующе глянул на одного Ивана, на другого, на Кольку, прокашлялся и говорит:

— Ну что, племяннички, пчёл заводите будем?

Братья молчат. Никогда они таким делом не занимались. Как приступить?

— Ну, что молчите? Сделаем так: моя кобыла, моя колода, а ваше счастье. Согласны?

— Согласны!

— Ехал я к вам сейчас через лог, а перед логом, на той стороне, ёлку одну присмотрел хорошую, пушистую. Аккурат на солнышке стоит. Вот на телеге у меня колода лежит. Сейчас поедем да повесим колоду на эту ёлку. Согласны?

— Согласны!

Поехали. В логу сумрачно, прохладно, под мостками ручеёк журчит, по бережкам малина цветёт, и звон стоит в воздухе от всевозможной мошкары, комарья, слепней, пчёл. Ёлки кругом тёмные, высокие. Снизу поглядеть, так будто прямо в небо верхушками упираются. Наверх выехали и сразу эту ёлку заветную опознали. За логом ещё лесок небольшой справа от дороги. Она чуть впереди стоит, вся солнцем освещена. Стоит, сама радуется и людей радует. На эту ёлку и повесили колоду. А луг с другой стороны, а травы какие! И так хорошо вокруг.

«Был бы я пчелой, сам бы на этой ёлке жил», — подумал Ваня.

Дядя Вася не только колоду привёз, он ещё принялся косяки для дома выделывать. Сколько ж можно дому недостроенным стоять? Парни, конечно, возле него, на подмоге. Всё примечают, учатся ремеслу. Особенно Колька от дяди Васи не отходит. Ваня тоже тут, но его больше пчёлы интересуют. Всё выспрашивает, как с ними управляться, как колоды делать. Так ещё день прошёл.

На третий день Троицы только сели обедать, бежит соседский мальчонка, Фимка Малых, кричит:

— Рой летит! Рой летит!

Иван к окну. Правда, рой летит! Выбежали из дому, а рой, как тучка чёрная, летит над полем. Фимка уже по ржи бежит, братья за ним, тоже по ржи. Бегут, кричат, руками машут. Уже в самый рой забежали, пчёлы вокруг жужжат, сердятся. Парни рожь рвут, отмахиваются от пчёл, бегут по полю внутри пчелиного роя. Добежали до лога. Фимка дальше побежал, вниз, а братья остановились. Смотрят, пчела поверху пошла, летит как раз по направлению к ёлке.

— Бог даст, сядет пчела на нашу ёлку. Пошли обедать.

Скоро Фимка вернулся, запыхался, глазёнки горят:

— Сел рой на вашу ёлку!

Соседи уже знали, что Некрасовы колоду повесили. В Садке пока ещё никто пчёл не заводил, они первыми оказались.

После обеда пошли ёлку проведать. Смотрят, и правда, в их колоде рой сидит. Дядя Вася доволен.

— Ну что, будем вторую колоду вешать?

— Будем!

В это лето они три роя с этой ёлки сняли, колоды возле дома, в огороде поставили. На другое лето — ещё четыре. Таким путём образовалась у них пасека из семи пчелиных семей. И уж таким занятным для Ванюши это дело показалось, всей душою он к пчёлкам прикипел.

Глава 4. Праздник на Ирмизе

День тёплый, тихий, нет уже изнуряющей летней жары, в воздухе едва уловимый запах приближающейся осени. В чистом синем небе парит ястреб. Кружит и кружит в вышине, свободный, одинокий, и нет никого над ним во всей небесной шире. Ване пятнадцать. Он лежит на тряской телеге возле брата Кольки, мать и Анна сидят рядом с другого края, возле Ивана большого. Ваня будто не слышит весёлого шума вокруг, он наблюдает за ястребом. И тут, словно с самого этого неба, на него накатилося такое безмерное чувство свободы, что захотелось сразу оказаться везде, увидеть всё, сделать что-нибудь этакое. Ваня сел, свесив ноги с телеги, и огляделся вокруг.

На том берегу Кармалушки, в уреме, двое пацанят лезут по кустам чёрной смородины. Из реки вынырнул Гришка Пикулев. Ого, какого огромного рака он поймал! Любители ягод тоже увидели Гришкин улов, выпрыгнули из кустов прямо в речку, побежали по мелкой воде, поднимая фонтаны брызг, навстречу старшему брату. Гришка бросил своего рака в их котелок и снова скрылся под водой. Охотничий азарт завладел и Ваней. Он спрыгнул с телеги и помчался к высокому берегу Ирмизы, на бегу скидывая рубаху. На миг остановился на самом краю, готовясь к прыжку.

— Гляди, гляди, это же Ванька Некрасов! — воскликнула Маня, дёргая за рукав свою двоюродную сестру Насю Пикулеву.

Девчата залюбовались юрким худым мальчишкой, который, сверкнув на солнце упругим телом, взлетел над обрывом, вытянув руки перед собой, и скрылся под водой. Подруги подошли к краю берега, ожидая появления Вани, а он вынырнул совсем в другом месте. В его вытянутой руке шевелит хвостом и клешнями большой рак, а мальчишки уже бегут к нему со своим котелком. Маня простодушно помахала Ване рукой, они с Ваней с одного выселка.

Ваня быстро выбрался на берег, небрежно зашвырнул рака в котелок мальчишкам, натянул рубаху на мокрое тело, пригладил шевелюру пятернёй и запрыгал на одной ножке, наклонив голову и прижав ладонь к уху. Девчата захихикали. Ваня взглянул на них с притворной строгостью.

— Ах так?! Смеяться надо мной!

Он с разбегу подхватил обеих подруг за талии и закружил вокруг себя по лугу. На очередном обороте резко раскинул руки, и девчонки с визгом разлетелись в разные стороны, повалились на траву. А Ваня уже мчится дальше.

Губастый Ерёма Лодейщиков поднёс к раскрытому рту кусок пирога. Ваня, пробегая мимо, ткнул его в бок; Ерёма оглянулся, Ваня выхватил у него из руки пирог и был таков. Ерёма выругался с досады и побрёл следом за вором в дальний конец луга, где собиралась молодёжь из Таранов, Кармалы, Краснояра и приехавшие к ним на праздник гости из ближних и дальних деревень.

С незапамятных времён повелось праздновать день Успенья Пресвятой Богородицы, а попросту Успенё, здесь, на обширном лугу под Каторгой, где Кармалушка впадает в Ирмизу. Правда, трудная жизнь последнего десятилетия заставила на время отказаться от этого обычая, поэтому нынешняя ранняя молодёжь не помнила прежних весёлых гуляний, но взрослые люди с удовольствием возвращались в старую колею жизни. В прошлом году, впервые за много лет, они собирались здесь на праздник всем обширным деревенским обществом, и сегодня собрались снова.

Не добежав до молодёжной компании метров десять, Ваня поравнялся с Колькой, разломил кусок украденного пирога пополам, поделился с братом. — Наш пострел везде поспел! — хохотнул Колька и запихнул остаток пирога в рот. Затем он вытер руки о штаны, оправил праздничную косоворотку, пригладил двумя ладонями пышную, на прямой пробор, шевелюру.

Высокий, черноглазый, он был видным парнем и знал это. Ваня, увы, не обладал ростом и солидностью брата, зато имел весёлый нрав и ослепительно-синие глаза, безотказно сражавшие наповал всех девчонок в округе. И вот они вдвоём, не спеша, руки в карманах, идут через весь луг в «молодёжный край». Впереди них летит, шелестит девичий шёпот:

— Смотри, смотри, Некрасовы идут!

Нася с Маней догнали незадачливого Ерёму, игриво подхватили его под руки с двух сторон.

— Что, Ерёма, наелся пирога?

Ерёма покраснел, как тот варёный рак, и пока думал, что бы такое ответить, девчата уже бросили его и поспешили дальше, вслед за братьями Некрасовыми, однако на некотором отдалении.

— Тебе который люб? — Нася испытующе посмотрела на подругу.

— Ванечка, конечно. Колька-то уж перестарок, ему двадцать скоро.

— Ну, ясно, девонька. — Нася со смехом поглядела на подругу. — Не боишься — отобью?

— Да ну тебя, Наська, — надула пухлые губки Маня. — Он для тебя мелковат будет. Тебе Колька больше подойдёт. Смотри, какой статный, прям как Зотя с Малиновки, Пани вашей ухажёр.

— Да ладно, не переживай, не нужен мне твой Ванька, пошутила я.

— Да ну тебя!

Маня сделала вид, что обиделась на подругу, но вскоре не удержалась и опять защебетала:

— Ванечка знаешь, какой весёлый: и поёт, и пляшет, да и вообще...

Народу собралось уже предостаточно. Парни, важно поручкавшись, образовали свой кружок, девки шептались, переглядывались да хихикали в своём.

— Ну что, может, в сарафаны? — предложил кто-то самый смелый, и игрища начались.

Играли в сарафаны и ручейки, и в садовника, и ещё в какие-то игры, но все они сводились к одному: девки выбирали парней, парни — девок, а после выбранный догонял выбравшего. Потом девки запели частушки, кто-то принёс гармошку, и начались танцы.

На «взрослой» территории свои интересы: ближе к берегу расселись на поляне мужики. Они составили телеги, на которых приехали на праздник, в центре большого луга, а теперь обсуждают свои крестьянские дела. Замужние бабёнки раскладывают привезённые съестные припасы. Чуть в стороне мальчишки уже варят раков на костре и между делом приглядывают за пасущимися стреноженными лошадьми. Ближе к низкому берегу Кармалушки расположились старухи — присматривают за мелюзгой, радуются нечастой теперь встрече с близкой и дальней роднёй и просто знакомыми, удивляясь про себя, до чего же те постарели.

Семён Васильевич Пикулев выкатил к общему столу бочонок пива да бочонок не менее ядрёного кваса. Лучше его жены никто в округе не умел делать ни пива, ни кваса. Бабы напекли пирогов с малиной, с клубникой, с грибами, несколько высоких караваев хлеба. Семён Васильевич удовлетворённо поглядывал, как его красавица жена Маланья Тимофеевна вместе с другими бабами разрезает на щедрые куски хлеба и пироги, раскладывает угощенья на расстеленные домотканые полотенца. Угощений привезли, кто что мог: огурцы, варёные яйца, черёмуха в меду, шаньги и пироги, солёные рыжики и грузди. Достаток был у каждого свой, но каждый двор старался припасти к празднику всё самое лучшее, на что был способен.

Мимо мужского кармалинского кружка как-то бочком прошла тощая Аграфена. Уж такое жуткое обличье эта баба имела, что матери, бывало, пугали своих раскапризничавшихся ребятишек: «Хватит уросить, не то Аграфена услышит и заберёт!» — и малыш тут же опасливо озирался и прекращал плакать. Мальцы постарше, пробегая мимо окон её избушки, обычно останавливались ненадолго, чтоб прокричать: «Бабка Ёшка, выгляни в окошко!» — и сразу с

хохотом разбегались. Вот и сейчас кто-то из мужиков при виде её присвистнул, кто-то хохотнул, Семён Васильевич отвернулся. Какой-то остряк громко спросил:

— И почто ты, Семён Васильич, такую страшную полюбовницу себе выбрал?

Семён усмехнулся, пробурчал:

— Рожа-то хоть овечья, лишь бы м... да человечья.

Мужики беззлобно засмеялись. Все знали, что Маланья Пикулева каждый год ходила тяжёлой, а куда здоровому мужику в такой ситуации деваться со своей мужичьей нуждой? Одинокая бездетная соседка Семёну никогда и не отказывала. Ну а что? Дело соседское, у всякого своя нужда имеется. На замужество Аграфена надеяться не могла, а характер имела беззлобный. Как не пособить хорошему человеку? Семён Васильевич малость посмеялся со всеми, но вскоре посерьёзней лицом, прокашлялся, прочищая глотку. Вопрос его беспокоил важный.

Мужики после шуточек и пересмешек перешли к обсуждению налога на нэпманов. Он был почти в два раза выше того, что накладывали на членов товарищества. Мужики чесали бороды и затылки, прикидывали, может, им тоже товариществом обозваться, а жить, как и прежде, единолично? Прокатит ли такая их хитрость? Нет? Гадали, ограничится ли этим законом советская власть, или же грядут более жёсткие притеснения крестьянства? Ходили уже слухи о колхозах, где вообще всё будет общее, вплоть до баб, но всё же думать о плохом сегодня никому не хотелось. Мужики хотели просто жить своим трудом, своим умом, по субботам хорошенько попариться в чёрной своей баньке, в праздник, как вот сегодня, от души повеселиться. Никто не хотел вспоминать, как все они не так уж давно отчаянно воевали против новых хозяев; да окопы, вырытые ими на склонах Каторги, хоть и заросли травой, но отчётливо виднелись отсюда и напоминали каждому о былом. Мужики жалели своих, тех, кто погиб, не дождавшись лучших времён. Лучших ли? Старики помнили времена и более вольготные, но то было ещё до войн, до всяких революций и братоубийств. Новой войны никто не хотел. Может, со временем власти успокоятся и всё пойдёт по-старому? О-хо-хо. Если бы так.

Бабы тем временем накрыли «столы». Первым делом накормили малышню, а накормив, отправили вновь бегать по лугу, купаться в речке, заниматься своими ребячьими делами. Теперь пригласили всех остальных. Молодёжи выделили свой конец. Им пива не поставили, только квас. Молоды ещё. Утолив жажду и голод, парни и девчата снова побежали играть, петь, плясать. Ладная круглолицая Дуся Кузнецова, ещё одна Насина подруга, приглядела себе вихрастого Мишаню Белкина. Русые вихры его торчали непослушно в разные стороны, но она-то знала, что сам Мишаня покладистый и надёжный парень. Она, как подсолнух за солнышком, вертела своей круглой головой в его сторону, подступала к нему с озорными частушками, а он смущался и краснел.

Луноликой Пане Пикулевой сегодня тоже было не до младшей сестры. Во всех играх возле неё крутился красавчик Зотя Селянинов. И она, вся покрасневшая, не убегала от него далеко, всё время поддавалась. Да она и не смогла бы убежать от длинноногого Зоти, она и до плеча своему ухажёру едва доставала.

Маня Петрова глаз не отводила от Вани Некрасова, да только он на неё не больно заглядывался, выбирал в играх всех девчонок подряд, ни одну не пропустил. Маня все губы свои с досады искусала, то и дело дёргала Насю за рукав, комментируя новые Ванины проделки. Поневоле Насе пришлось обратить внимание на этого проказника. Что уж в нём такого особенного? Разве на язык остёр — куда ни подойдёт, там уж слышны взрывы смеха. Подумаешь, эка невидаль. Нася и сама была не робкого десятка девчонка. А Маня всё дёргала подругу за рукав:

— Смотри, смотри! — и разочарованно: — Вот дурак.

Ваня выбрал себе в жертву нескладного шепелявого Ерёму. То ножку ему подставит, и тот растянется во весь рост перед девками, то репёв незаметно ему в волосы накидает. Шалости вроде небольшие, детские какие-то, но обидные. Ерёму без того и парни в свою компанию

не принимали, и девки вниманием обходили, а тут он внезапно оказался всеобщим посмешищем. Обидно.

Скоро задирать Ерёму Ване надоело, он внимательнее пригляделся к девчонкам. Вон та, конопатая, с косичками, в нарядном, красном в клетку сарафане, вроде ничего. Подошёл, познакомился. Феня из Калиновки, у неё тут сестра и брат. Калиновка — такой же выселок из Осиновика, как и Ванин Садок, — значит, соседи. Ваня стал приглашать Феню на все танцы, пока его не отозвал в сторонку её старший брат Савелий.

— Отстал бы ты, парень, от Фени.

— С кем хочу, с тем и пляшу, на это твоего разрешения не требуется.

— Тут такое дело. У Фени парень есть, он сейчас в отъезде. Если ты серьёзно, если жениться думаешь, то ладно, я не против, а если нет, то отвали, не морочь девке голову.

— Не шути так, парень, мне пока что воля моя дорога. — Ваня рассмеялся в лицо Савелию, но от Фени отстал. На лугу и других девчат полно.

В самом конце праздника молодёжь завела хоровод. И тут Ване Некрасову, как самому популярному парню на лужайке, пришлось выбирать себе пару. Он с серьёзным, важным видом стал ходить внутри хоровода, внимательно вглядываясь в разгорячённые лица девчат. А хоровод в это время кружил вокруг него, выпеая: «Уж как Ванюшка по горенке похаживает, он сапог да о сапог поколачивает...» — выжидая, на ком он остановит свой выбор. У многих, ох, у многих девчат замерло сердечко, когда Ваня останавливался на них взгляд. Но Ваня шёл мимо, пока не встретил независимый смешливый взгляд зелёных глаз. Кто такая дерзкая? Да это ж Наська Пикулева. Ваня заговорщицки подмигнул ей и прошёл дальше по кругу. Он уже не выбирал, держал фасон и ждал, когда Наська вновь окажется перед ним. А что? Плясала она с ним весело, задорно блестела глазками, будто ей просто нравилось плясать да частушки петь, а с кем — всё равно. «Совсем как я», — подумал о ней Ваня. И ростом она была с него, правда, не такая тощая, как он, все женские прелести у неё уже вполне округлились и дразнили теперь его воображение. «Да, вот эта мне ровня будет». Он остановился перед Насей, поклонился, она поклонилась в ответ. Он взял её за руку, вывел на середину хоровода, обошёл вокруг неё, ещё раз поклонился. Она слегка зарделась, опустила ресницы, лицо осталось непроницаемым. Он встал перед ней на одно колено, усадил её на другое. «Тяжела ноша, однако», — подумал Ваня, но виду не подал. Обнял Насю одной рукой, чуть выше талии, будто случайно касаясь её упругой груди. Она спокойно отвела его руку себе на талию. Нася была выбрана в хороводе впервые, она сильно смутилась, хоть и виду не подала, и думала сейчас лишь о том, чтоб он, Ваня, не услышал, как громко стучит её сердце. Хоровод, взявшись за руки, тем временем кружил вокруг них, то смыкаясь всё плотнее к центру, то расходясь назад, и вот руки расцепились, девки закружились по солнцу, раскручивая вокруг себя свои сарафаны, как колокола, парни заплясали вокруг девок. Нася поднялась с Ванькиного колена и тоже закружилась в центре хоровода, а он залихватски приплясывал возле неё. Песня закончилась. С ней подошёл к концу и праздник.

Дальние гости начали разъезжаться засветло, чтоб успеть к ночи доехать до дому. Елисей Селянинов в дальнюю свою Малиновку решил сегодня не ехать, а ещё раз заночевать у Тарановской родни. Он был доволен сегодняшним днём. Полулёжа на подводе, поглаживал свою сивую бороду, обдумывал, как половчее обставить официальное сватовство. Предварительно он уже сговорился с Семёном Пикулевым поженить своего Зотьку на его Пане. Союз обоим родителям казался удачным: каждый считал семью товарища достойной, крепкой, состоятельной, да и молодые, судя по всему, симпатизируют друг другу.

Некрасовы решили ехать домой. Предыдущую ночь они провели в доме Ефрема Пикулева, младшего брата тётки Зинаиды и Семёна Пикулева. Тётка Зинаида была женой дяди Васи Шилова, двоюродного брата Василисы Дмитриевны Некрасовой. Она решила поближе свести племянников по мужу со своими племянницами, потому и завала всех на праздник в Кармалу.

Расчёт у неё был дальний: у брата Семёна девки подрастают, а у Василисы парни дельные — глядишь, что-то из этого и выйдет со временем. Зинаида любила и тех и других и не прочь была при случае выступить в роли свахи. А пока пускай познакомятся поближе. Так рассуждала Зинаида. На празднике выяснилось, что для Пани брат уж жениха приглядел, а Наське пока в её пятнадцать лет о женихах думать рано. Ну и ладно, пусть подрастает. Зато погуляли все на славу. Однако Зинаида к вечеру притомилась и не отказалась от приглашения Ефрема ещё раз переночевать у него. Дом у него хоть и старый, но просторный, всем места хватит.

Некрасовы ехали домой одни. Кобылкой правил Иван-старшой, Анна притулилась рядом с ним; за их спинами Василиса Дмитриевна прилегла на приготовленный заранее мешок с сеном, подтянула к животу уставшие ноги, укрылась большим платком и дремала. Ваня с Колькой сидели сзади, свесив ноги, смотрели, как от самой Каторги разматывается из-под их подводы дорога.

— Кольк, а Кольк, как тебе Наська Пикулева, глянется? — как можно более равнодушно спросил Ваня.

— Чего? — Николай насмешливо поглядел на брата. — Не твоего поля ягода, паря. На неё губы-то не раскатывай.

— А чё вдруг? — удивился Ваня.

— Ты её отца-то видал? Сапоги, рубаха, сам весь такой. Важный. Бочонок пива на компанию выкатил. А твой-то батя где? Ты-то сам кто будешь?

— Да ладно, я так. Я и не думал ничего такого. Просто девка интересная показалась, не как наши.

— Кажется, дак крестись.

Колька втянул свои длинные ножищи на подводу, прилёг рядом с посапывающей во сне матерью. Весь день он не особо веселился, народ вокруг был малознакомый, праздник показался ему скучным и утомительным.

«Ноне же осенью утеку отсюда», — решил он в полудрёме.

Ваня сидел теперь один. Обдумывал слова брата, вспоминал отца, хотя уже почти не помнил его.

Глава 5. «Иван-н-н»

Это было последнее лето НЭПа и последняя ярмарка в Бую. Лён у Некрасовых уродился на диво хорош. Нагрузили пучки на подводу, приехали пораньше, чтоб занять лучшее место. Народу нынче было полно. Ваня оглядывался по сторонам, высматривая то ли знакомых, то ли потенциальных покупателей. Да и просто всё вокруг было интересно. Ваня любил, когда вокруг него жизнь бурлила.

Базарная площадь в Бую, как и везде, располагалась возле церкви. Пока церковные стоят на службе, народ из своих, из староверов, успевают отхватить лучшие товары. Приехали оптовики из города, привезли посуду, мануфактуру и одежду разную, сапоги опять же, галоши, другую обувь. Сами закупают крестьянские товары.

Пока братья распрягали лошадь да обустроивались на месте, Ваня успел по всей ярмарке прошвырнуться. Чего тут только нет. Даже патефон видал. А один мужик предлагал всем какие-то бумаги купить, облигациями называются. Чудной человек. Кто ж за бумажки денег своих ему отдаст? Народ толпился вокруг него, дивовался, но Ваня не задержался здесь надолго, не любил время попусту тратить. Перекинулся парой слов со знакомыми парнями, а когда вернулся к своим, на соседнем возу с капустой заметил Наську Пикулеву. Она с отцом приехала. Они капусты привезли воз да сверх того несколько мешков луку-репки. Ваня даже позавидовал, какой отменный лук у них уродился: крупный, ровный, луковка к луковке, и прям золотой весь по цвету. Да и капуста знатная, тоже кочан к кочану. Наська сидела одна на телеге, на Буёвскую церкву поглядывала. Занятая всё же она девчонка: сидит на простой телеге возле своей капусты, а вид имеет, будто она королевишна в золотой карете: спина прямая, руки на коленях так манерно сложены, будто она отродясь никакой работы не знала, острый подбородок гордо торчит вперёд, глаза вроде как полуприкрыты, а ведь всё, небось, видит, шельма. Ваня хотел подойти, поздороваться, да тут Колька его окликнул.

Нася сидела на возу, ждала отца, когда, услышав сзади громкий окрик «Иван!», оглянулась и увидела Ваню Некрасова. Сразу вспомнила, как сидела у него на колене в хороводе, и щёки её зарделись. Они не виделись с тех пор. Она стала наблюдать за ним украдкой. Деловой такой. Вон, мужик к ним какой-то бестолковый подошёл. «Ого, — говорит, — какая посконь у вас славная». А какая же это посконь, если это лён-долгунец. Нася чуть заметно усмехнулась. А Ваня (вот ведь какой!) взвился, как ужаленный: «Тебе бы такую посконь вырастить! Это лён!»

Тут отец подошёл, и Нася на время забыла про Ваню. Народ прибывал, пошла торговля. Время от времени Нася слышала за спиной запальчивый голос Вани. «Надо же, самый младший из братьев, а шуму от него, будто он тут главный», — удивлялась она. Сама же она помогала отцу молча, но сноровисто. Сама видела и понимала, что именно должна сейчас делать.

И вот с колокольни, будто прямо с неба, раздался ясный чистый голос большого колокола: «Иван-н-н!». Нася вздрогнула, оглянулась на звук. Некрасовы уже продали весь лён, Ваня подводил коня к своей телеге, повернул голову в Насину сторону. Они встретились глазами. Его ярко-синие и её тёмно-зелёные с карими крапинами. А на колокольне начался такой радостный перезвон, солнце так ослепительно заблестело, будто не осень сейчас, а весна вдруг пришла, и вот-вот птицы запоют, и деревья вновь зазеленеют. Наваждение длилось миг. «Это судьба, — подумала Нася, — это Господь с небес знак мне подал. Это суженый мой. Иван-н-н!» Они не улыбнулись друг другу, словом не перемолвились, а будто отметину друг на друга глазами поставили и занялись своими делами. Только Нася уж знала, что судьба её с этого дня решена навеки, ведь сам Господь прокричал ей заветное имя с небес: «Иван-н-н!»

Весь обратный путь с ярмарки Нася представляла себя невестой Вани. Размечтавшись, удивлялась сама себе: неужели невеста? В раннем детстве она переболела оспой, и лицо у неё

было рябое после болезни. Отец на все полевые работы всегда брал её с собой, а там мужики вечно подшучивали над ней.

— Наська, а Наська, тебя ведь такую рябую замуж-то никто не возьмёт!

На что она храбро отвечала:

— Возьмут, ещё как возьмут! Ведь как замуж-то выходить, я уж старая буду, к тому времени все мои рябинки зарастут.

В то счастливое время старость и замужество были в её понятии одинаково далеки. И вот рябинки заросли, а она уж и жениха себе присмотрела. Фу, стыд какой! Нася покосилась на отца: не отгадал ли он её мысли? Он улыбался, время от времени подгоняя лошадку. Торговля прошла удачно, и на радостях он купил дочери красивый платок — алые цветы по зелёному полю. А она-то как радовалась! Накинула на голову — и так повернётся, и эдак.

— Ну что, тятя, личит?

— Личит, дочка, личит. К такому славному личику всё личит.

Нася тоже улыбается. Не ведает тятя, что дочка не только подарку его радуется, появилась у доченьки тайна сердечная.

Телегу потряхивает на неровной дороге, копыта постукивают, Нася потихоньку успокоилась, мысли потекли ровнее. Рядом с отцом она всегда себя чувствовала спокойнее и уверенней. Хороший у неё отец, надёжный, наставительный. Любит он дочь к уму наставлять. Не обидно так наставляет. Вот едут они, к примеру, вечером с луга, Нася восседает на высоком возу сена рядом с отцом. Мужики, что сидят на лавочках возле своих ворот, обязательно встанут, поклонятся отцу.

— Доброго здоровьичка, Семён Васильевич! — уважительно так скажут.

— Доброго здоровьичка! — кивнёт отец в ответ, а после Насю поучает: — Вот смотри, дочка, мы с тобой утром со двора выезжали, а он, небось, спал ещё. Мы с тобой домой приедем — у нас ещё дел невпроворот, а он уж на лавке сидит, отдыхает. Запомни, дочь: лучше недоспи, а хозяйство своё в порядке содержи. Нет ничего на свете хуже бедности, а бедность от лени происходит.

Были же и сыновья у отца: Гриша-большой да Гриша-малко, младшие Насины братья. Им он тоже особо отдыхать не позволял. Но их он, как подросли, учиться в школу отдал. Ни старшая сестра Паня, ни Нася в школе никогда не учились. Девкам это ни к чему — так считал отец. Отцу виднее.

Глава 6. Туфли на покосе

Как-то в субботу, вскоре после ярмарки, Колька напарился от души в баньке, переоделся в чистое; в воскресенье утром проснулись, а его и след простыл.

— Убёг-таки, паршивец! Ох, чуяло моё сердце, — сокрушалась мать. — А вы куда глядели? Куда он побёг? — напустилась она на двух Иванов. Те только руками развели.

Искал своего счастья Колька недолго, через две недели вернулся. В поисках работы он прошёл вдоль железной дороги несколько станций, а нашёл только невесту.

Войдя в избу, блудный сын бросился в ноги матери.

— Маменька, прости! Поехали со мной в Сарану, я жениться хочу. Девка хорошая, красивая, из наших, из староверов.

Так в семье появилась Нюра. Не шибко работающая, зато бойкая да смешливая, не в пример молчунье Анне. Василисе старшая невестка пришлось более по сердцу.

— Сам дурак, и жену такую же привёл, — делила она своё неудовольствие с Анной.

Анна согласно кивала головой. Она уже изучила характер своей ворчливой свекрови и сочувствовала ей. Их обеих жизнь изрядно потрепала.

Мать Анны умерла вторыми родами вместе с младенцем, когда Анне было всего пять лет. Отец больше не женился. Зимой катал валенки соседям, летом к ним же нанимался на сезонные работы. Из всего хозяйства у них и было, что корова, пяток овец, три курицы да огород. Вроде и небольшое хозяйство, а одному мужику как управиться? Вот и приходилось Анне сызмала быть хозяйкой в доме: щи сварить, портки постирать, полы помыть и в огороде отцу помочь.

Так и прожили вдвоём двенадцать лет, пока не пришла Гражданская война. Отца убило в девятнадцатом. Потом корова заболела и сдохла. Анна горевала одна в пустой избе, не могла придумать, что ей делать со своей жизнью, когда в дверь постучали. Вошла соседка Степанида. Анна помогала ей по-соседски присматривать за ребятишками, а та в благодарность подкармливала её молочком, хлебцем, чем Бог пошлёт. Сегодня Степанида была одна, без ребят, весёлая.

— Анна, чего сидишь одна? Айда быстро к нам обедать. Брат с войны приехал!

Иван ей понравился сразу. А о ней у них, видно, разговор раньше произошёл. Анна заметила, как оценивающе оглядел он её, как только она вошла, удовлетворённо кивнул головой и потом смутился, встретившись с ней глазами. К концу застолья сговорились. Чего ей терять? Он вон какой парень видный, и Степаниды брат. А Степанида — баба хорошая, плохого не пожелает. Анна пришла с Иваном в Осиновик, а тот на другой же день ушёл обратно на войну. Ну что ж, Бог даст — вернётся, зато она теперь не одна. Василиса, свекровушка, ей вместо матери стала, и Анна ей никогда ни в чём не перечила, маменькой величала.

А Василиса не унималась:

— Жену привёл, а дом так и стоит невыделанный. Всё-то им некогда! Вот покойничек мой, Лупушка, бывало, всё успевал. А эти? И в кого такие олухи уродились?

Но высказывала свои неудовольствия Василиса только при Анне, а как только появлялась Нюра, лишь поджимала губы. Нюра на поджатые губы свекрови и внимания не обращала, при любом деле умудрялась если уж не пританцовывать, так хоть песенку весёлую или даже срамную частушку пропеть. — Тьфу! Ну и лахудра в доме завелась.

Так и жили до самого лета.

Иван-старшой запряг лошадь, Ваня уложил на телегу пять литовок, Анна принесла корзину с продуктами для обеда. Все трое сели на телегу, старшой взялся за поводья, но не спешил понужать лошадку. Ждали.

Василиса Дмитриевна сердито забарабанила кулаком в дверь сеновала:

— Долго вас ждать, господа? Роса уж скоро обсохнет, а вы всё телитесь!

Дверь тут же отворилась, Николай поспешил к телеге, на ходу заправляя рубаху в штаны. За ним вышла Нюра в цветастом платье и серой вязаной кофте. Было ещё прохладно. Старшой тронул лошадь, и потихоньку поехали. Но Нюра не прибавила шагу, она осторожно ступала по двору, стараясь не замочить росой хоть и старые, но туфли. Все прочие были обуты в лапти. Пришлось остановиться и подождать, пока она закрепит косу на голове гребнем, повяжет на деревенский манер платок и только после этого сядет на телегу рядом с мужем.

— Тьфу ты, вырядилась, как барыня! — проворчала Василиса, но всё же перекрестила отъезжающих вслед: — Господи, благослови!

Николай вынул из корзины краюху хлеба, оторвал кусок для себя, кусок для жены, остальное положил обратно, и пока они сонно жевали всухомятку хлеб, Ваня глядел, как из-за рощицы брызнуло солнце, и сразу вспыхнула и заискрилась роса на траве. Это длилось всего какой-то миг. Ваня любил этот миг и всегда радовался, когда удавалось его поймать. «Значит, день будет хорошим!» — такая была у него примета.

Солнце между тем поднималось всё выше, и остатки редкого тумана нехотя уползали в лог, к речке.

— Будто синее море, гляньте, мужики, до самого края неба колышется. Вот ведь какое чудо земное!

Ваня услышал этот возглас Нюры и оглянулся. Оказывается, они уже ехали среди льняного поля.

— Ты что же, льна никогда не видала? — Он снисходительно глянул на сноху.

— Откуда? У нас в Саране всё больше леса еловые, да горы, да речка.

— Речка? — оживился Николай. — У нас вон тоже речка.

Он спрыгнул с телеги, зачерпнул ладошкой воды из ручья, который они сейчас пересекали, и плеснул Нюре в лицо. Та звонко рассмеялась.

— Н-но, будет вам, — проворчал Иван-старшой и хлестнул поводом лошадку, чтоб шла быстрее.

Николай приобнял жену, она вся так и выгнулась под мужниной рукой, прильнула к нему. Ваня отвернулся.

— У нас, знаешь, какая речка? Уфа! — Нюра так важно произнесла название реки, будто это была главная река на земле. — А сомы там знаешь какие? С тебя ростом! Детей на дно запросто утаскивают. А весной, когда лёд ломает, — жуть!

Ване надоело слушать болтовню про чужую речку. Не больно-то он верил этим бабьим рассказам.

— Жуть? Вот у нас черти в Большом логу живут. Ночью встретят — вот где жуть!

Мужики добродушно расхохотались. Но Нюра в долгу не осталась:

— Вань, а Вань, а тебя папка с мамкой во льну заделали, ей-богу. Глаза у тебя синющие — страсть! То-то Василисе колко было, за то она такая колючая!

Мужики понимающе заржали. Хорошо, сама Василиса Дмитриевна не слышала невестушкиных шуток.

Косила Нюра неумело. Дома ей этим делом редко приходилось заниматься. На покосы родители уезжали километров за двадцать, ей же оставалось выкосить небольшую полянку в конце огорода. Туфли её промокли и натёрли ноги. Николай шёл с ней вровень. «Просил же лапти надеть», — досадовал он на жену. Ему было неловко перед братьями, но и жену оставлять одну на посмешище родне он не хотел. Сам виноват, не смог объяснить, что неподходящую обувь Нюрка надела. А она заладила, что туфли старые, ношенные и без каблука совсем, и не для того она за него замуж шла, чтоб из туфель в лапти переобуваться. Еле задобрил её своими ласками. «Ладно, — подумал, — может, и правда в туфлях ловчее». В деревне у них никто туфель не носил, кто знает, как там бабы в них ходят.

Ваня косился на родственничков, но пока помалкивал, глядел вопросительно на старшего брата. А Иван-старшой с Анной шли, как заведённые, друг за другом, синхронно махая косами, оставляли за собой два рядка скошенной травы. Вжих! Вжих! Любо посмотреть. Одновременно останавливались поточить литовки — и снова косить. Николая с Нюрой они будто и не замечали. Ванюша шёл следом за Анной и удивлялся. Анна и росточком чуть выше мужнина плеча, и сама тонкая, а от мужа не отстаёт. Откуда силы берёт?

На другой день решили косить недалеко от дома, на горях. Ушли туда пешком. Два Ивана с Анной косят, а Николая с Нюрой всё нет. Спят, что ли?

— На что нам такие работники?! — не выдержал Ваня. — Давайте отделим их, пусть сами живут, раз спят до обеда.

Ваня всё ворчал, выкладывал перед братом свои доводы, а тот молча махал своей литовкой, не останавливаясь, не отвечая.

Николай с Нюрой, и правда, появились перед самым обедом. У Нюры глаза зарёваны, на ногах поверх хлопковых чулок шерстяные носки и чуни. Косили молча, никто не разговаривал.

Вечером Ваня пристал к матери:

— Давай делиться! Пусть сами живут, как могут.

Василиса Дмитриевна помолчала-помолчала да и согласилась. Наутро Ваня побежал по соседям за тремя понятыми да за председателем сельсовета.

Собрались понятые с Петром Артемьевым. Собрались все Некрасовы.

— Кто здесь делиться хочет? — спросил председатель сельсовета, оглядев присутствующих.

Старшие молчат. Тогда Ваня вышел вперёд, на полянку:

— Я, Иван Некрасов.

Кто-то присвистнул, кто-то хмыкнул, кто-то покачал головой. Ну и дела, старшие молчат, а младший семью делит. Делать нечего, видно, он у них теперь за старшего. Поделили.

Николаю с женой достались недостроенный дом да кобылёнка-двухлетка. Вскоре они продали кобылку, дом оставили, а сами уехали в Сарану, к родителям Нюры.

Вроде и Ваня привык уже к Нюриным шуткам да песенкам, и Василиса смирилась с Колькиным выбором, а они взяли и уехали. И дом достраивать не стали. Да и не осилить им двоим такого дела. Тихо стало в доме. Но ничего, зато спокойно и без ссор.

Глава 7. «Верный путь»

Была осень уже. Как раз в этот день пчёл задумали во мшаник на зиму убирать, а тут не из тучи гром, заявила к ним вечная парочка — Кузьмин с Артемьевым. Пришли, на собрание зовут.

— Тьфу ты, кому делать нечего, тот пусть по собраниям ходит. Есть что сказать, так говорите. Всё равно уж пришли, — сказал Иван-старшой.

— А ты не ругайся, дело государственной важности. На собрании для всех объявим. Станем мы об каждого язык мозолить. — Прощка так пообвыкся на своей партийной должности, что семи собаками его теперь не переляять. — Через полчаса ждём всех на полянке возле Кузнецовых. И баб своих ведите.

Позвали баб, стали гадать, что опять придумали начальники.

— Не иначе опять про колхоз будут песню петь.

— На колхоз нет моего согласия, — сходу заявила Василиса. — Всё равно эта власть недолгая. Только на ноги начали вставать, опять всё порушат.

О колхозах в деревне говорили давно, но никто не горел желанием объединять свою корову с соседской, поэтому одними разговорами всё и закончилось. Думали, отстанут начальники, забудут. А нет, не забыли. На собрании Артемьев зачитал статью из газеты про Великий перелом, который будто бы во всей стране произошёл, и уж везде все люди в колхозы объединились, а только они в своём Садке всю страну назад тянут.

— Пряма так там про наш Садок и прописано? А ну дай, сам посмотрю! — Иван-старшой потянулся к Петру за газетой. Петро газету не дал.

— Про Садок или там про Осиновик не прописано. Однако ты, Некрасов, как бывший красноармеец, должен проявить сознательность и показать пример.

Петро опять уткнулся в газету, стал водить пальцами по строкам, шевелить губами.

— Ага, вот, нашёл. Должен показать пример и перейти «от мелкого и отсталого хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию», вот! — и победно оглядел толпу.

— Вот! Хрен тебе в рот! Ничего я никому не должен! Налоги все уплачены, стало быть, и хозяйство моё никакое не отсталое, — разозлился Иван-старшой.

Он оглянулся на мать, одобрительно кивавшую ему, на Анну, в тревоге закусившую губу, на ухмыляющегося младшего брата. «Да, невелико моё войско», — подумал, а вслух сказал:

— И коллектив наш, некрасовский, стало быть, самый что ни на есть передовой!

Мужики загалдели. Резонно рассудили, что если всех коров в одно место сгонять, так большой коровник нужен, а его сперва построить надо. В Осиновик же отдавать своих кормилиц никто не хотел. В общем, все доводы были против колхоза. За колхоз только газетка да Артемьев с Прощкой. Начальники обозвали мужиков несознательными, те их — бездельниками. Так и разошлись опять ни с чем.

А через день явились опять эти двое с приказом и милиционером. Закон у них вышел о трудовой повинности. Так и сказали: раз, мол, ты, Некрасов, в колхоз не хочешь объединяться, то придётся тебе для всеобщего блага отправиться на лесозаготовки.

— Тьфу ты, леший вас забори! — выругался старшой.

Пришлось записаться в колхоз. Телушку годовалую планировали оставить на молоко, но, раз такое дело, зарезали на мясо. Под нож пустили трёх овец. Мясо частью тайно продали, частью завесили в опустевшей конюшне старьём. Хорошо морозы рано ударили. Урожай опять почти весь пришлось сдать в колхоз. Себе оставили только на еду до будущего урожая.

Лошадь и пчёл тоже пришлось сдать в общий котёл. Одну корову на семью разрешили оставить, а у них как раз только одна и осталась. И слава богу.

В Осиновике уже несколько лет пустовали большие амбары и конюшни раскулаченных и сосланных богатых мужиков, которых теперь несправедливо называли кулаками. Раньше-то кулаками на деревне называли перекупщиков чужого, а теперь — всякого, кто меньше других спит да больше работает. Ладно бы просто назвали обидным словом, а то ведь отняли всё хозяйство, да в Сибирь на верную погибель отправили.

Вот в заброшенном хозяйстве Семёна Ильича, убитого вместе с младшим сыном, и устроили колхозный коровник. Старший его сын тоже где-то голову сложил. А баб их да детишек, как врагов советской власти, из дома выселили; хорошо не в Сибирь, а в старую избушку, в которой ещё их старики жить начинали. Теперь в их большом доме устроили сельсовет да правление колхоза, а в обширных хозяйственных постройках — колхозный скотный двор. На весь Садок оставили одну лошадь, чтоб возила новоявленных колхозников к месту работы.

Не так уж и давно жители Садка переехали в свой выселок, чтоб быть поближе к своей земле; хозяйством обзавелись, все ссуды выплатили, а теперь всё их хозяйство обратно в Осиновик забрали. А земля опять не своя, опять чужая, колхозная. За пчёл Ваня особенно переживал, каждый день заглядывал к Егорычу, колхозному пасечнику, проверял, всё ли он ладно делает, хорошо ли за пчёлами смотрит.

Каждое утро теперь братья и Анна уезжали с другими садовцами в Осиновик на разнарядку. Председателя колхоза, Кузьму Игнатьева, привезли из дальних мест. Своих желающих не нашлось. Колхоз, однако же, назвали «Верный путь».

— Ну-ну, — бурчал старшой, — поглядим, далеко ли мы с вами этим путём уйдём. Раньше без начальников всяк знал своё дело, а теперь их аж трое на одну деревню да пару выселков. Сидят целыми днями, газетки почитывают да самогончку попивают.

Но и колхозу дали план по лесозаготовкам. Большой лес от Осиновика в пятнадцати верстах, каждый день не наездишься. Всех мужиков, кто особенно противился вступлению в колхоз, отправили на рубку леса. В их число угодил и Иван-старшой. Анна уехала с мужем.

Василиса попеременно то молилась, то осыпала власть проклятьями. Но при соседях и посторонних рот замкнула на замок. Кузьма и её пытался привлечь к колхозным работам, но она его и на порог не пустила, с крыльца лутошкой прогнала.

— Боже мой, боже мой, только жить начали — и опять, видно, скоро зубы на полку класть будем, — причитала она каждое утро.

За работу в колхозе ставили в тетрадке трудодни, платить обещали когда-нибудь после. Жили тем, что успели заготовить и сохранить.

Через месяц на побывку пришли Иван с Анной, злые, голодные, усталые.

— Ваня, ступай скорее баню затопи.

Василиса разожгла керосинку, поставила греться утрешние щи. Куриц в колхоз не забрали, так что и яйца печёные нашлись, и капуста квашеная, и огурчики. По такому случаю и молочка налила.

— Мясца к вечеру натушу, есть ещё маленько на такой случай, — шепнула на ухо сыну Василиса, утирая слезу кончиком платка. — А вот шаньги пресные утрешние, ешьте, вечером ещё напеку, пока в бане паритесь.

Василиса всё кружила возле старшего сына, наглядеться не могла.

— Может, не ходить вам больше в лес? Скажись больным. Гляди, как исхудал.

— Ага, не ходи! До самой до весны теперь топором махать придётся.

Иван, и правда, выглядел больным. Похлебал щей, выпил кружку молока, забрался на чуть тёплую печь и заснул.

Ваня тем временем затопил баню, принёс с мороза кусок мяса и теперь растапливал печь. Василиса возилась с тестом, Анна чистила картошку для шанег, и женщины разговаривали вполголоса, чтоб не тревожить заснувшего Ивана.

— Лесосека теперь километров двадцать отсюда будет. Утром подвода поехала в Аряж, подвезли нас, потом до Куеды мужик один довёз, а дальше пешком. Нет, бани нет. Все в одном бараке, а его сколь ни топи, выстывает быстро. Нет, я в лес не хожу. Варю на всех да мою, печь топлю ветками. Кое-как отпросились на три дня. Сегодня, считай, уж день прошёл, а послезавтра к вечеру надо там быть. Да, так и сказал: «Через три дня не вернётесь — в Сибири отдыхать будете». Да какая там кормёжка? Баланда да сухари. И порядки, как в тюрьме. Вроде никого не убили, не ограбили, а виноваты оказались, — сетовала Анна.

Два дня Иван да Анна отъедались да отсыпались, на третий день сразу после завтрака собрались обратно в лес. Дорога неблизкая, а темнеет теперь рано. Ладно, снег за эти дни хороший выпал, всё светлее.

— Смотрите, Спиридониха пожаловала. — Ваня сидел у окна, и первый заметил гостью. — Одна чё-то идёт, без дяди Спиридона.

— Где одна? Вон Катька с ней. А Спиридона, и правда, не видать.

Марию по деревенскому обычаю за глаза называли по имени мужа — Спиридонихой. От её визита не ожидали ничего хорошего. Так и вышло. Мария вошла в избу с зарёванным лицом. У Катьки, её младшей дочки, не утёртые сопли висели до нижней губы, и умывалась она, было видно, слезами. Слезы размазали грязь на детском личике, да так и высохли.

Анна сразу увела девочку к умывальнику в уголке за печкой, помогла раздеться, умыла, принялась расчёсывать гребнем колтуны на голове ребёнка. Никогда раньше дети Спиридона не были такими неухоженными. «Видать, что-то серьёзное стряслось», — раздумывала Анна, занимаясь с Катькой. Своих детей у них с Иваном так и не случилось, и Анна тосковала, глядя на чужих, при любом случае с удовольствием возилась с детишками.

Марию усадили за стол с картофельными шаньгами, которые аппетитно пахли на столе. Василиса напекла их сыну на дорожку.

— Вот, испей кваску, шанежку покушай да расскажи, что стряслось. Вижу, не с доброй вестью пришла, — приговаривала Василиса, придвигая блюдо поближе к гостю. Сама поглядывала на старшего сына: дескать, понимаю, не ко времени гостя, да что делать?

Мария машинально взяла шаньгу, откусила, безучастно жевала, глядя в пространство перед собой.

— Да не томи, говори, что стряслось? — Василиса крепко взяла её за плечи, не спросила, приказала.

— Всю семью загубил, ирод проклятый! — наконец еле слышно пролепетала Спиридониха, и слёзы полились из её глаз.

— Не реви! Говори толком!

В конце концов, Мария взяла себя в руки и поведала ужасную историю:

— Ефимка-то наш решил-таки жениться на Шуре Матвеевой. Они уж с лета вместе жили, а тут в сельсовет сходили, зарегистрировались, да решили отметить это дело по-родственному.

В этом месте рассказа Марья виновато глянула на Василису, всё же та была тоже родственницей, вдовой старшего из четверых братьев.

— Ты уж прости, Василисушка, что тебя не позвали. Так ведь на счастье твоё не позвали. Вот что приключилось-то. Собираемся мы с моим Спиридоном в гости, а тут Васька пришёл, сестры моей двоюродной, Вальки, сын. Говорит, мать просит: не дадите ли мучицы, сколь сможете. А Спирия мой недоволен, говорит, что, мол, Васька, комсомол твой тебя не кормит? А Васька этот, дурак, в комсомол как раз записался. Отца у них на войне убило, вот и живут с ребятишками одни, перебиваются, вот как вы.

На этих словах Ваню передёрнуло. Ничего они не перебиваются, справно живут. Если б не колхоз да не лесозаготовки, вовсе бы хорошо было. Но возражать тётке не стал.

— Ну вот, — продолжила рассказ Мария. — Я Спиридона уняла, мол, давай поможем маленько, родня всё ж таки. Спирия говорит: «Делай как знаешь, да с меня потом не спраши-

вай», — и вышел из избы в сердцах, во дворе меня ждал. Я мешочек у Васьки взяла и в чулан за мукой, а Васька в сенках стоит, ждёт. Ну и высмотрел, паршивец, где у нас мука хранится. А муки-то у нас всего мешок и остался. Спиридону сколь говорила сусек починить да муку пересыпать, так ведь нет. Нагрела я Ваське мучицы, он и ушёл. «Спасибо, — сказал, — тётка Мария», — и ушёл с мукой-то.

А мы к Ефиму, они на той же улице, наискосок от нас живут, знаешь где. Гурьян с Катериной уж там. Соседей кой-кого позвали. Ну и выпили, конечно, за здоровье молодых. Изрядно выпили. Ты же знаешь, Василисушка, мужики наши никогда особо пьющими не были, а тут такое расстройство с этими колхозами, прям, не знаем, что и делать, куда бежать. И свадьба не в свадьбу, беда одна.

Посидели, выпили, ни песен, ни басен, одни охи да вздохи. Мужики меж собой судачат, советуются, как дальше жить. А чего судить-то? Мы ж теперь сами себе не хозяева. Что сельсовет скажет, то и делаем. Вот мы со Спиридоном первые домой и пошли. Спирю-то из стороны в сторону мотат, еле дошли. Только дверь в сени отворили — сквозняком так и потянуло. Я глянула — окошечко у нас там, в конце, небольшое, помнишь? Глянула — стекло-то в оконце выставлено, дверца в чулан отворена. Я в чулан — нет муки, только след мучной по полу. Кричу: «Спиридон! Муку украли!» Он к окну — а там следы прямёхонько от окна и через весь огород так и чернеют. Снег-от сколь раз уж выпадал, да всё таял, а тут, пока мы гуляли, такой белый выпал, следы-то на нём чёрные-е-е. Он, паршивец, видать, пока в окно к нам лазал, снег-от на беду ему и выпал.

Спиря мой топор схватил да назад, за братьями, да по следу. А след прямо к Валькиной избе привёл. Вот мы всей толпой туда и прибежали. И мужики, и Спиря с топором, и мы с бабами, да ещё и соседи на крик сбежались. В избу зашли, а там Васька с Валькой мучицу нашу по разным посудинам пересыпают. Вот тут-то мой Спиридон заорал нечеловеческим голосом да Ваську, дурака, по башке обухом-то и хватил. Спьяну. Спьяну, конечно. А силища-то у него, сама знаешь, какая.

Мария замолчала. Она не стала говорить, как Васька, защищаясь, бросил в Спиридона кастрюльку с мукой, а потом рухнул на пол, и его не стало видно из-за стола. Как Спиря удивлённо смотрел куда-то под стол, разводя руками в стороны и роняя топор. Как Валька, заорав, тоже рухнула на пол рядом с сыном. Как Гурьян добежал до стола, а потом развернулся и хотел бежать прочь, но изба уже была полна народу, и в двери было не пройти. Как Шура рыдала на груди у Ефимки, а он озирался вокруг, как затравленный зверёныш. Как Спиридон сел на лавку и всё разводил своими ручищами, а она, Мария, валялась на полу перед ним и хватала его за ноги, а потом поскользнулась, упёрлась руками в пол — и обе её руки окрасились Васькиной кровью. И Васька с пробитой головой лежал тут же, ничком. А Валька дёргала его за руку и повторяла: «Васька, вставай! Васька, вставай!» Кто-то кричал: «Убили!» — а с полатей смотрели на всё это трое испуганных ребятишек.

Нет, Мария не стала всё это рассказывать своей родне. Это рассказать невозможно. Она сама снова и снова видела это всё своим внутренним взором. Она видела это столько раз, что ей стало казаться, что всего этого не было вовсе, что этого просто не могло быть на самом деле, а всё это какой-то сон, или какой-то недобрый человек придумал и рассказал всё это. Нет, этого быть не могло. Это всё временное помешательство ума всех действующих лиц, и скоро помешательство это пройдёт и все вернутся в свои дома. И этот идиот Васька будет тереть свою шишку на голове и говорить: «Здорово же ты мне врезал, дядя Спиридон! Прости уж, чёрт меня попутал. Отдам я тебе твою муку с нового урожая». А Спиря поднесёт ему кулак к носу и скажет: «Смотри уж, не забудь. Ты меня знаешь!» Но Васька ничего уж более не скажет. Похоронят Ваську друзья-комсомольцы на деревенском кладбище со всеми коммунистическими почестями как безвинную жертву озверелых кулаков. О происшествии напишут в газетах как о заранее спланированном зверском убийстве героя-комсомольца местными кулаками. Всех

троих братьев, новобрачную Шуру и ещё двоих соседей приговорят к разным срокам заключения, не таким уж и большим. Всё-таки факт кражи муки был подтверждён всеми присутствующими. Но это будет позже. А пока Мария продолжала свой скорбный рассказ:

— Тут нас всех в сельсовет сначала, милицию вызвали. Ночь просидели все. А утром нас, баб, отпустили, ребяташки-то у всех одни дома. А мужиков в район увезли. Ой, что теперь будет? Что будет?! Говорят — расстрел. — И Мария опять залилась слезами.

Ваня слушал, раскрыв рот. Он по молодости лет не понимал ещё, как эта история может отразиться на его собственной судьбе. А Иван-старшой помрачнел весь с лица. Родной дядька убил, да ещё комсомольца, да ещё при свидетелях. Бежать, бежать надо от них ото всех! Да куда бежать-то? Едва тётка закончила рассказ, забрал он харчи, жену и вышел вон.

С того дня вести отовсюду стали приходить страшные: снова начали людей «кулачить» да высылать целыми семьями. Василиса опять стала ночами трястись от страха. Не раскулачивания она боялась, больше нечего было у них забрать. Она боялась, что последний её сын, Иван, подхватится, да уйдёт из дому, куда глаза глядят, как его братья. Старшой сказал, что после лесозаготовок домой более не вернётся, чтоб не ждали. В Саране снова пустили завод, и Николай работал теперь на заводе вместе со своим тестем. Может, и Иван с Анной туда подадутся, а ведь здесь какой-никакой, а свой дом и хозяйство, хоть маломальское, да своё. Как всё это бросить?

Часть вторая. Раскол

Глава 8. Неудачное сватовство

Ване между тем осенью восемнадцать стукнуло. «Женить его надо!» — решила Василиса. Тут как раз праздник престольный подошёл, Введенъё. Введенъё по традиции вся округа праздновала в Осиновике. Взрослые по своим избам гуляют, а для молодёжи откупили свободный дом. Клуба тогда в Осиновике не было. И Пиккулевы к родне своей, к Петровым, на праздник в Садок приехали.

Маня с Насей только обнялись с дороги, а Маня опять только о Ване Некрасове речь ведёт. Только о нём. Нася молчит в этот раз, не поддакивает и не посмеивается, а сама про себя думает: «Не видать тебе, Маня, моего Ивана, как своих ушей». Собралась садовская молодёжь на гулянье в Осиновике. Отправились туда же и сестрянки-подружки. Идут, новыми валенками по свежему снежку поскрипывают, обе об одном парнишечке загадывают. В декабре ночь рано приходит, да хорошо — снегу накануне навалило свежего, и ветерок тучи разогнал, луна вышла, вот и светло на дороге. В каждой избе лампы керосиновые горят, у каждого двора телеги стоят — со всей округи родственники нынче в Осиновик съехались. Жизнь хоть трудна и порой непредсказуема, а душа крестьянская всё равно праздника хочет после трудов праведных. Из каждой избы песни слышны. Грустные песни, протяжные. Пока девчонки до нужной избы по праздничной деревне дошли, у каждой уж план был готов, как Ванюшу в свои сети заманить. А Ванюша о том и знать не знает. Ему лишь бы поплясать да повеселиться.

Девчонки снег у порога с валенок отряхнули, в избу вошли, а там уж пляс вовсю идёт. Ваня сразу к новеньким подлетел, да как начал коленца перед Насей выделывать, в круг завлекать. Она шубейку в угол скинула, шаль туда же, а платок красивый, тятей с ярмарки привезённый, на плечи накинула, рукой складки на новом сарафане огладила, бровкой русенькой повела и проплыла мимо плясуна дальше, в круг. Ваня за ней, и с одной стороны зайдёт, и с другой, ну и Нася не выдержала, рассмеялась, частушку озорную перед ним пропела. У Мани слёзы на глаза: «Ну чем эта Наська меня лучше? У меня и косы толще, да и лицом я краше, все так говорят. А она? Дылда конопатая! Глазки маленькие, а блестят, гляньте-ка, как крыжовенные ягодки после дождя». Маня припомнила, как тятя лонись с ярмарки кустик привёз, да в садке посадил. Ягода диковинная, да твёрдая, кислая. Сначала подумали, зря тятя деньги на ветер пустил, а потом, к осени ближе, ничего, пообмякли ягодки, будто мёдом налились, и зёрнышки на солнце насквозь видны. Маня успокоилась на время, вспоминая тятину странную покупку, глядь, а милый Ваня уже перед ней самой выплясывает, в круг ведёт.

А Ваня в тот вечер ни одну из девок не обидел, с каждой спел-сплясал, а кое с кем, какая не против была, и в сени ненадолго выходил пошептаться да пообжиматься. Праздник ведь — гулять так гулять! Ох, Ванюша, озорник-сердцеед. Правда, Нася с ним в сени не пошла, опять в лицо рассмеялась да песню запела. А как она пела в тот вечер! Голос у неё сильный, красивый. Запевала всегда она — другие подхватывали. И так она пела легко, душа её пела, радовалась, замирала.

«Эх, хороша девка, — беззаботно думал Ваня. — Жаль, не про меня».

— Ну как, не присмотрел ли себе невесту? — приступила Василиса к сыну после праздника.

— Ты опять за своё? На что мне невеста, мне и так хорошо.

— Тебе-то хорошо, а мне какво? Тяжело мне одной по хозяйству управляться. Иван вот на войну уходил — Анну мне на помощь привёл, жалел мать-то, а тебе, видать, никого не жаль. О себе одном только и думаешь.

Не хотел Иван о женитьбе думать. На что ему жена в восемнадцать лет? Да знал Ваня материн характер: если уж что ей в голову втемяшится — не отвертишься. Не отстанет, пока своего не добьётся. Стал Ваня прикидывать в уме, как поступить. В Садке молодёжи всего и было, что Фомка Зайцев да он сам, Ваня Некрасов, а из девок только Манька Петрова да сестра её младшая. Остальные — дети ещё, мелюзга.

Маня — девчоночка скромная, симпатичная. Семья вроде тоже неплохая. С такими породниться не грех, не вредные они и не спесивые. Да и всё равно уж мы с ними как родня. Мать с её бабкой дружны, всё в гости друг к другу ходят. «Женюсь на Мане, — решил Иван. — Она вон вечно зырит на меня». Маня и правда прямо сейчас топала с ними, чуть поотстав, и стоило Ивану оглянуться, он сразу встречал её серый тревожный взгляд.

— Маня, что отстаёшь? Давай, шагай быстрее.

Иван взял её за руку, а сам продолжал думать свою думу о женитьбе. Дорога из Осино-вика в Садок недлинная, километра полтора всего, и молодёжь частенько домой с работы возвращалась пешком. Пока шли в этот раз, Фомка всё тормозил дружка, что-то рассказывал, о чём-то спрашивал, а Ваня только поддакивал, почти не слушая приятеля. Смотрел на Фомку со стороны и думал: «Вот идёт человек и не знает, что я сейчас, может, невесту свою за руку веду, а он так и будет по гулянкам бегать. Без меня, дружок. Без меня. Ну, мать, устроила ты мне западёнку. Ладно, может, ещё обойдётся как-нибудь». Фомка ушёл домой, а Ваня, прощаясь с Маней, вдохнул побольше воздуха, будто в последний раз, и как в омут с головой: «Маня, пойдёшь за меня?» А она согласна.

— Ну, жди тогда сватов.

А дома Иван с Анной ждут.

— Ты где это, малой, бродишь? Уработался, видать, в своём колхозе.

Оказывается, они с Анной с лесосеки в Вильгурт на льнозавод ушли, да что-то у них там не заладилось, ушли и оттуда.

— Теперь в Федорóвск пойдём. Мы ведь, как батю схоронили, на Федорóвск тогда с войском пошли, почти полгода там продержались. Хорошее место. Правда, за войну много чего порушили, да, думаю, много чего и осталось. Там тогдашние хозяева Чёрданцевы большое хозяйство имели. Винокурный-то завод ещё до нас разорили, но конезавод, слыхал, и по сей день работает. Мастерских разных там много было при старых-то хозяевах. Хорошие мастерские, кирпичные. Может, какие и теперь работают. Даже и стекольный завод был. Сказывали, аж за границу стёкла свои продавали. Думаю, хоть что-нибудь там должно сохраниться, хоть какое-нибудь производство. Устроимся там с Анной, так и вас туда заберём.

Иван-старшой хлебал материны пустые щи да всё строил планы на будущее. Анна, как всегда, помалкивала, ласково поглядывая на всех сидящих за столом. Наскучалась она в чужих краях без ворчливой маменьки, без ершистого Ванюшки. Давно уж она считала их всех своей родной семьёй, давно всех любила. Она бы и не уходила никуда, осталась бы здесь, да Иван ни в какую не хотел возвращаться в колхоз. А уж она за своим Иваном, как ниточка за иголкой.

— Хорошая у тебя жена, брат. Мне б такую, — пошутил Ванюшка. — Как думаешь, Маня Петрова не хуже Анны будет?

— Не знаю, не пробовал, — хмыкнул старшой. — А ты что, никак жениться надумал?

— Я бы погулял ещё, да вот мать говорит — пора.

— А что, Маня — хорошая девка, — встrepенулась Василиса, и семья у неё добрая.

На другой день, как раз воскресенье было, пошли невесту сватать. Всё гладко прошло, как положено: «У вас товар, у нас купец...» Родные согласны, невеста тоже. Маня сама не своя от счастья, глаза боится поднять, чтоб радость свою не выказать.

Утром Иван с Анной ушли в Федоровск, обещали к свадьбе быть. В воскресенье перед Рождественским постом Паня с Зотей приехали в Кармалу повидаться с родными, показать деду с бабкой свою дочурку Шурочку. И тётка Зинаида с Василием на огонёк подкатили. И

вот, когда все наобнимались, попанькали поочерёдно на руках малышку, а малышка поревела для порядку, насосалась мамкиной титьки и уснула в дальнем углу на сундуке, обложенная со всех сторон подушками, — словом, когда улеглась радостно-суетливая кутерьма долгожданной встречи, и все сидели за столом и обменивались новостями, тётка Зинаида сообщила о предстоящей свадьбе Мани Петровой и Ивана Некрасова.

— Да, на днях засватали. Через месяц готовьтесь к свадьбе, — сказала Зинаида, откусывая солёный огурчик. — Ох и знатные у тебя, Маланья, огурчики выходят: и крепенькие, и хрустят, и соли вдосталь.

— Значит, Василий, племян твой в нашу родню решил войти. Ну-ну. А хорош ли парень-то? У Долмата-то Варламыча семья крепкая, бездельники там не надобны. — Семён Васильич поглаживал рыжеватую бороду, обдумывая новость.

Нася сидела за столом ни жива ни мертва. По счастью, в своём углу закричала Шурочка, и она вместе с Паней вышла из-за стола — помочь сестре с доченькой. Одна Зинаида заметила, как побледнели румяные щёки племянницы и помертвели глаза.

— Агу, агушеньки, что рано проснулась, лапушка? Поспи ещё маленько.

Маленькая луноликая Паня, улыбаясь, склонилась над малышкой. Рядом склонила голову над племянницей Нася. «Вот ведь, у сестрицы счастье, а у меня...» Тяжёлая слеза упала на лицо ребёнка, Шурочка вздрогнула, расширила изумлённые глазки и разразилась возмущённым криком. Паня взяла дочку на руки, качала, уговаривала, а сама смотрела на сестру: что это с ней?

— Дай-ка мне. — Зинаида взяла малышку себе, и та вскоре затихла.

— Неужто, по Ваньке сохнешь?

Нася отрицательно замотала головой, но обе женщины — и молодая, и пожившая — поняли, что да, да, сохнет, а зазноба посватался к другой. Ну и дела!

— Нася, голубушка, да ведь всё равно тятя тебя ему бы не отдал. Они ж бедны, как церковные мыши. Забудь его, — уговаривала Паня сестру.

— Много вы понимаете, девки, отдал — не отдал. По нынешним временам бедность, может быть, и есть самое надёжное богатство. А что, племянушка, шибко парень-то люб тебе?

— Шибко, — только и смогла прошептать убитая горем Нася, и залилась слезами, уткнувшись в тёткино плечо.

Зинаида осторожно передала притихшую малышку Пане, обняла племянницу.

— Ну-ну, будет тебе. Отец заметит — нехорошо получится. Не горюй, что-нибудь придумаем. Я Ваньку знаю: парень хоть и с норовом, но хорош. Была б помоложе — сама б такого округила. Мой-то Василий по молодости такой же был шалопай. — Зинаида лукаво заулыбалась, видимо вспоминая молодые шалости мужа. — Ну, ладно, девки, укладывайте Шурочку да за стол возвращайтесь — шаньги есть. А ты, Настюша, слёзы-то утри. Не стоят мужики наших слёз. Мы и сами кого хошь реветь заставим.

Бедовая она была, тётка Зинаида. Никогда не унывала и другим не давала.

А за столом давно уж забыли про чужую свадьбу, толковали про новую колхозную жизнь.

— Ты, Зотя, правильно сделал, что не полез на рожон, — наставлял Семён Васильевич зятя. — А сарафаны — да пусть подавятся сарафанами этими! Бог даст, новые наживём.

— А что с сарафанами? О чём вы тут толкуете? — спросила Зинаида.

Паня с Насей, уложив Шурочку, тоже сели за стол. Услышав, о чём речь, теперь Паня залилась слезами.

— Расскажи-ка, зятёк, тётке, куда ты Панины сарафаны спровадил, — невесело усмехнулся Семён Васильич.

— Да разве ж это я? — возмутился Зотя.

— Ну, твоя ж родня постаралась — значит, ты.

— Дак малыцы же неразумные, что с них взять?

— Мальцы-то мальцы, да сообразили, как на конфетку заработать. С мальцами ноне поосторожнее надобно быть. Так детворе мозги закрутили, что отца родного с потрохами продадут. — Семён Васильич строго глянул на двоих своих сыновей, тихо сидевших на печи. Мальчишки, от греха, спрятались за печную трубу.

— Да о чём речь, Сёма, Зотя? Паню вон до слёз довели.

— В колхоз они, дураки, не захотели поступать, так колхозные начальники у Пани все сарафаны для своих баб забрали, ироды! — пояснила Маланья Тимофеевна.

— Ох ты — ох ты! — всплеснула руками Зинаида. — А родня-то Зотина тут при чём? Елисей Матвеевич вроде мужик разумный.

— Ты бы, Зотя, подсказал бы отцу... — Семён Васильич опять задумчиво потербил бороду. — Хотя нет, яйца-то ведь курицу не учат. Ладно, я с ним сам как-нибудь при случае потолкую. А сам поступай в колхоз и не раздумывай, целее будете. Добро-то, Бог даст, новое наживём, а вам ещё вон дитя рбстить. Ты, Зотя, батыю-то моего, Василия Фетисовича, помнишь? Хотя где тебе, ты в восемнадцатом-то годе мальцом ещё был.

— Я помню, Сёма, — подал голос Василий. — Знатный был мужчина, царство небесное. Он ить у вас в Кармале наставником у староверов был. Справедливый был человек, разумный.

— Ну вот, слушай. Белые-то войска когда из Кармалы отходили, мы ведь, почитай, все мужики кармалинские, все на телеги свои сели да с ними уехали. Схлестнулись с красными под Каторгой, да к вечеру отступили. Укрылись в Бую. Ну, кто-то голову сложил, кой-кого красные в плен взяли да в Таранах под замок заперли. Человек пять, пожалуй. В Таранах у них тогда штаб стоял. А батя мой уж старый был, с бабами нашими дома остался. Ну, бабы кармалинские, все ведь кругом свои, всё про всех знают. Ну вот... Те, у кого мужики в полоне оказались, собрались, да деньжат тоже собрали и пришли к моему бате, в ноги кинулись. Тебя, мол, Василий Фетисович, все знают, все уважают, пойди в Тараны да выкупи ты наших мужиков. А что? Общество слёзно просит. Батя и пошёл. Пришёл честь по чести, так, мол, и так. Деньги отдал. Они деньги взяли. Мужиков обещали отпустить, да не тотчас, а погодя, как старший начальник их придёт. Ты, мол, старик, ступай пока домой, они тебя дорогой догонят. Батя и пошёл. Только вот, скажите вы мне, как такое вышло, что батыю моего мы на мостке через Буй нашли с пулею в затылке? Где Кармала и где Буй? Похвалялись потом краснопёрые, что, мол, батя мой белым шпионом был, а они его выследили. Ну и мужиков тех пленных, конечно, тоже расстреляли. А вот скажи ты мне, Вася, какой из моего бати шпион? А я тебе скажу. Шпионом-то он, конечно, не был, а вот когда деньги у него взяли, а пленных кармалинцев не отпустили, понял он, что, значит, и не отпустят. Что он тогда бабам ихим скажет? Как оправдается? Решил он нехристей этих красных перехитрить, да пойти своих, нас то есть, на помощь позвать. Раз уж взялся мужиков выручить, так надо дело до конца довести. А и красные не дураки оказались, знают ведь, в какой стороне Кармала, проследили, что в другую сторону батя мой пошёл, да и пристрелили исподтишка, в затылок. Как сейчас вижу, лежит мой батя на мостке, руки раскинул, а в кровавую лужу лицом уткнулся, будто свою же кровь лачет.

— Ну-ну, будет тебе. Давно уж всё прошло и быльём поросло. — Василий приобнял свояка, похлопал заскорузлой ручищей по спине. Но Семён не унимался:

— И вот как ты думаешь, Зотей ты Елисеич, что больше: бабьими сарафанами попуститься или родным батею? То-то. А почему? А потому, скажу я тебе, Маланья-то моя за жизнь нашу с ней семнадцать раз брюхатая ходила, семнадцать деток мне родила, да вот последние только четверо и сохранились. Как думаешь, дороги ли они мне? Я за них, Зотюшка, и чёрту лысому послужу. Они батыю моего, старика, застрелили, а я первый, — Семён поднял вверх указательный палец, — первый в их колхоз записался, всё добро своё им отдал, лишь бы сыны мои в спокойе да в уважении выросли. А за Паню мою, да за внученьку, за Шурочку, ты, друг мой, головой отвечаешь. Вот и думай теперь, поступать вам в колхоз или сарафаны свои оплакивать.

А на другом конце стола Паня вполголоса рассказывала сестре о своём сарафанном горе: — У сестры-то у Зотиной ребятишки, Сенька и Мишка, вечно у нас в избе отирались. То пособят где в каком деле. То шанег напеку, дак их уж угощу обязательно. Ну, они, конечно, всё знали, где у нас что лежит. Свой ведь. Мы от них не таились. А они, вишь ли, не только у нас отирались, а и возле сельсовета тоже. Мало ли, может, какую новость услышат. Ну и услышали, как Лёнька, председатель наш малахольный, жаловался, что, мол, сарафан у его бабы прохудился, а нового и взять негде. Мишка-то, постарше который, промолчал, а Сенька, малой ещё, умишка-то не нашёл, и говорит: «А вот у нашей тётки Пани полон сундук сарафанов». Похвастал, значит. А Лёнька ведь чуть не каждый день к нам заживал со своими активистами, всё в колхоз свой заманивал. А Зотя упёрся. Незачем, говорит, мне в ваш колхоз идти. Ну, они как про сарафаны услышали, подхватились — и к нам. И мальцов наших с собой. Где, спрашивают, тот сундук? Сенька и показал. Как коршуны налетели на чужое-то добро. Все до единого забрали. Это, говорят, реквизиция в пользу советской власти. Теперь бабы их в моих сарафанах по деревне красуются. — И слёзы опять полились по румяным Паниным щекам.

Петровы к свадьбе готовились, а тут свояченица в гости зашла, тётка Зинаида. Посидела недолго, потолковала о том, о сём и ушла. На другой день пришёл к Некрасовым дед невесты, Долмат Варламович. Он пимокат хороший был. Вот пимы новые и принёс Василисе, как заказывала, по мерке. Отдал Долмат Варламович пимы, а сам мнётся, видно, сказать что-то хочет.

— Да ты садись, Долмат Варламович, повечеряй с нами, чем Бог послал.

— Тут вот какое дело, кума. Тебе ведь работница в дом нужна? Вот. А у Мани нашей костоед на пальчике завёлся. Мы люди честные, бракованный товар не хотим тебе подсовывать. Давай так поступим: вот заживёт пальчик у Мани — тогда, пожалуйста, в любое время свадьбу сыграем, а пока подождать бы надо.

Василиса возражать не стала. Долмат ушёл, а Василиса ворчала весь вечер, что, мол, зачем было обнадеживать, сразу надо было сказать. Масла в огонь подлила тётка Зинаида. Закадилась к ним в тот же вечер — и с порога:

— Ты что это, Василиса, в своём уме? Ты бы хоть со мной посоветовалась, прежде чем своего Ваньку за Маньку Петрову сватать.

— Да что опять не так?

— Да ведь мать-то её — да она же спит на ходу!

— Как так? О чём ты, Зинаида, толкуешь, не пойму? Разъясни толком.

— Вот свекровка-то её сколь раз мне жаловалась, что, мол, пойдёт сношенька в чулан муку сеять, а сама сидит и дремлет. В доме столько дел — успевай поворачиваться, а она дремлет. Вроде как делом занята. А ну как Манька в мать пойдёт? Нужна ли тебе такая работница в доме?

Василису эта новость как огнём обожгла. Приводил уже Колька одну бездельницу в дом.

— Иван, ищи другую невесту.

— Маменька, я ж с Маней стоворился. Ты что же, не будешь ждать?

— Нет. Не буду ждать. Девочек полно вокруг, ищи другую. На что нам с костоедом брать?

Другую так другую. Если б он серьёзно к своей женитьбе относился, если б Маня была настоящей его зазновой, а не просто симпатичной девчонкой, он бы нашёл подход к своей матери, сумел бы настоять на своём. Но для него это была игра, из которой он втайне надеялся выйти холостяком, только пока не знал как.

А мать всё пристаёт с женитьбой. У Василисы кросна на зиму настроены, пол-избы занимают, и у самой руки чешутся, уж так она ткать любила. Сейчас не те времена, не до скатёрок людям, а запас ниток ещё не весь израсходован, хорошо припрятан был. «Да вот закончится вся эта канитель, — рассуждала сама с собой Василиса, — захотят люди опять в нарядных избах жить, а у меня уж всё готово». Но нет у неё помощницы в доме, нет и времени на любимое занятие. Иван днями на колхозных бестолковых работах в Осиновике, а вечером там же на

гулянке, да и ей самой, хоть уж и старухой считают, а всё одно какое-нибудь заделье в колхозе находят. Дома теперь куры одни да кошка, да огород ещё. Слава Господу, хоть его не отняли. Корову единственную оставляли сперва, а потом всё равно пришлось в Осиновик свести, в колхозное стадо. Поголовья, вишь ли, у них колхозного не хватило. Планы, вишь ли, у них теперь великие. Тьфу.

Никогда раньше Василиса дома без дела не сживала, всегда дела до рассвета начинались и заканчивались после заката, а уставала куда как меньше. Почему? Может, и правда состарилась? Ну, уж нет, с этим она согласиться не могла. Почему же так? Да ведь раньше-то она сама знала, что и когда ей делать. Петух пропел — пора вставать, печь топить, варево скотине варить, коров доить, тесто месить, картохи, яйца печь, семью кормить, и так до вечера. А теперь? Пока до своей коровки доедешь, кто её, родимую, напоит и чем? Кто подоит? Обмоют ли вымечко тёпленькой водицей? Побалуют ли хлебцем? От одних только мыслей этих устанешь. А там бригадир со своей разрядкой — на какую работу пошлёт, бог его знает. Бывает, и не увидишь коровку свою за весь день. И какая радость от такой работы? Усталость одна, да и только. Страсть как захотелось Василисе Дмитриевне побаловать измученную душу свою любимой, милой сердцу работой. «Вот придёт невестка в дом, молодая да проворная, легко с делами домашними управится, — мечтала она, — а я уж тогда за кроснами душеньку-то свою отведу. Нет, женить Ивана надо, женить срочно». Знала Василиса своих сыновей — и им работа из-под палки не в радость. «Двое уже разбежались, и этот того гляди утекёт. И куда я тогда?»

Мать всё приставала: «Ищи невесту!» Ваня понял, что не отбрыкаться ему, задумался, вспомнил Савку из Калиновки, как тот его за свою сестру неумело сватал. И сестру его, Феню, припомнил. Она такая махонькая была, но симпатичная. Коса чёрная, глаза серые, а на носу конопушки рыжие. Все округлости при ней, а в талии тонкая. Одним словом — куколка. Она с сестрой тогда была. Сестра невидная какая-то. Как ни силился, не мог её припомнить.

— Ладно, мать, поехали в Калиновку, к Устину. Феню будем сватать.

А Калиновка та была тоже Осиновский выселок, меньше Садка, дворов пять всего. Приехали туда, вошли в дом, сказали, зачем пришли. Устин говорит:

— Тут такое дело. Вот если старшую возьмёте, то, пожалуйста, с удовольствием, а младшую не отдадим, нельзя старшей дорогу закрывать.

Ваня жених с норовом оказался, говорит:

— Когда покупатель в магазин заходит, тот товар берёт, который ему нравится. Разрешите пройти до Фени.

— Пожалуйста, проходи. — Устин усмехнулся, паренёк ему понравился, да старшую дочку обижать нельзя. — А ты, Василиса Дмитриевна, проходи, садись, в ногах правды нет.

Пока старшие вели свои беседы, Иван Савелия укоряет:

— Что ж ты, сватал сестру, а теперь на попятный?

— Так погоди, скоро Дашку просватают, приходи тогда.

— Скоро рак на горе свистнет! Ты выдь, послушай, не свистит ли?

Савелий зубы сжал, чтоб не ответить грубо, да вышел из избы. А Иван к Фене приступил.

— Пойдёшь за меня замуж?

— Я бы пошла, да не отпускают.

— А ты соберись да выйди, а я сейчас кобылу подгоню, мы сядем и уедем. С собой ничего не бери.

— Нет, Ваня, я так не хочу.

— Не бойся, ничего они нам не сделают. Поругают, да простят.

— Может, и простят, да я сестру не хочу обидеть.

— Ну, не хочешь — как хочешь. Воля твоя.

Ваня посмотрел на девчонку: хороша, жаль такую отпускать. Но больно уж махонькая, какая из неё работница?

— Ну что ж, Феня, смотри не пожалей. До свиданья, я пошёл.

Оглянулся на пороге: может, передумает Феня? Она не передумала. Он ушёл.

Запряг свою кобылу — выдали им её из колхозной конюшни для такого дела, — сидит в санях, ждёт мать. Что же это за сватовство такое? Он-то считал, что жениться ему — пара пустяков, а тут со второй невестой облом. Неожиданно.

— Не хотите за меня свою Феньку отдавать — и не надо. Пожалеете ещё. Я себе такую невесту найду, что все ахнете! — разозлился Иван.

Пришла мать, недовольная, села в санки, ворчит:

— Ты, видать, пошутить надо мной решил? Нарочно таких девок находишь, чтоб не жениться?

— Тебе ведь надо, чтоб я женился. Не мне. Но раз уж тебе так приспичило, так и быть, женюсь. В Кармалу поехали, на Наське Пикулевой жениться буду!

— Господь с тобой, малахольный! Разве ж Семён Васильевич отдаст за тебя?

— Или на ней, или вообще уеду, куда глаза глядят.

Выбора у Василисы не осталось. Ванька — он такой, весь по ней. Сказал — уеду, и уедет. Что делать-то? Василиса думала недолго.

— Тогда к Василию надо ехать сперва, в Старую Куеду, его Зинаида всё как надо устроит.

Староверы в Приуралье старались держаться друг друга. Многие семейства переселились сюда, на свободные земли, из Чердыни уж лет сто назад. Земли эти ещё императрица Елизавета даровала исконным уральским жителям — башкирам в вечное пользование. Со временем башкиры — не без судебных тяжб, разумеется — продали эти земли переселенцам-староверам, а сами спустились южнее по Уральскому хребту. Там горы выше, солнце ярче, трава на пастбищах мягче, а реки шире. Ну а нашим после холодной лесистой Чердыни пологие холмы Приуралья с вольными лугами и перелесками показались раем земным. С церковными староверы никогда не смешивались, и за годы многие их семьи стали родственниками либо собственниками.

Всю дорогу до дяди Васи Иван размышлял о Насе Пикулевой, новой своей избраннице: «Моего ли поля эта ягодка? Поглядим. Вот будет шуму, коли сумею сорвать. Семён Пикулев мужик серьёзный, абы за кого свою дочь не отдаст. Ну, так и я себя не на задворках нашёл. Был бы батя жив, ещё посмотрели бы, чья семья круче. Но бати нет, придётся самому за себя стоять. А не отдадут за меня Наську — вообще жениться не буду, куда мне спешить? Уеду, куда глаза глядят, а мать пусть к кому-нибудь из братьев перебирается». Не зря Василиса боялась, всё к тому шло. Времена настали такие, что все, кто мог, старались из деревни уйти куда подальше.

Глава 9. «Пойдёшь за меня?»

Дом у Василия с Зинаидой небольшой. На счастье, выстроить новый в своё время не хватило мощи. Дети выросли да разъехались по дальним деревням. Так и вышло, что самой ближней родней остались сестра Василия Василиса с сыновьями да младшие братья Зинаиды Семён да Ефрем.

— Мой-то, что удумал, — пожаловалась Василиса. — Говорит, не жить, не быть — хочу на Наське Пикулевой жениться!

Зинаида прикрыла свои черепаши глаза на морщинистом лице, ждала, что ещё скажет её хитроумная свояченица. Уж ей-то известна была неудача с внучкой Варлама-пимоката. Да и в Клиновку не по простому делу ездили — видать, и там отлуп, раз о новой невесте речь ведут. В деревне каждый твой шаг на виду. Даже и шагать не надо, только голову поверни в какую-то сторону, а соседка из окна уже соображает, что интересного для тебя может быть в той стороне, да и вперёд тебя о твоём же интересе смекнёт. Однако Зинаида подивилась, как всё занятно складывается. Как раз так, как она и задумала. Любила она Наську, да и Ванька — парень хоть куда. «Ладная пара будет. Ванька наш, конечно, из голодранцев, Наське не чета был бы в добрые времена. Ну, так то в добрые, а ноне такая путаница пошла, что, может, голодранец надёжней справного мужика окажется. Вся власть ноне голодранская. Семён — мужик догадливый, сам смекнёт, что к чему. Ему только показать жениха, дале само всё покатится».

— Ну что ты с этим паршивцем прикажешь делать? — не дождавшись никакого ответа, продолжила Василиса.

Василий чуть заметно улыбался, поглаживая седые усы. Ему весь расклад тоже сразу стал ясен.

— Хорошее дело, сестрица. Ванька твой — парень рукастый да смекалистый, да и Наська — девка справная. С Семёном Пикулевым породниться — большое дело. Василий смахнул ладонью крошки со стола в другую ладонь и забросил их в рот.

— На Сретенье мы поедем к Ефрему, Сёма с семьёй тоже там будут. Давайте и вы с нами. Там всё и решим, — сказала Зинаида.

Теперь Ваня думал о Наське каждый день. Если б ночью не спал, то и ночами бы о ней мечтал. Он был уверен, что раз тётка Зинаида взялась за дело, то всё сладится, как надо. А как надо? Что это за девка такая, Наська Пикулева? Почто она так глубоко запала ему в душу, что не с первого раза он там её и отыскал? Вроде такая же девка, как все, что в ней особенного? Что? Задумался Ваня и сам себе ответил: о ней мечтать только можно, купить нельзя. Вот как конфеты в магазине. Есть подушечки, есть карамель продолговатая. Называются по-разному, форма разная, а на вкус все одинаковые: белые, сладкие, с повидлом внутри. Стоят недорого. Даже он, бывало, покупал. Так и девки их деревенские. С лица, может, и разные, а подойди поближе — всё у них просто. Без затей, без загадок. А вот ещё есть конфеты в обёртках. Фантик красивый, цветастый, а что под ним — не видно. Развернул бы, поглядел, попробовал, да цена кусается. Ване не по карману. Наська представилась ему конфетой в обёртке. Знает, что сладкая, а вот какая на вкус? Захотелось Ивану узнать. Ну и что, что карман пустой? Сам-то он, с руками, с ногами, да и с головой, тоже чего-то стоит!

И вот опять Сретенье. Счастливым день. В этот день старшой с войны вернулся. Значит, и теперь быть победе. Повезло с самого начала: только вышли с матерью из дому — глядь, Фомка с отцом на колхозной кобылёнке в Старую Куеду в гости едут. Подвезли и Ваню с матерью. Они оба легки, как две хворостины, и места немного в санках заняли. Уже рассвело, белая позёмка мчалась за санями, стремительной стаей стелилась по сияющему, как парча, тугому насту по обеим сторонам дороги. Заваленные снегом по самые окна избы Садка скоро скрылись из глаз, и больше до самой Куеды не встретилось ни человека, ни птицы, будто и не жил никто

в этом белом, холодном и прекрасном мире. Только скрип копыт, шелест полозьев по снегу, подвывание ветра.

Однако в Куеде жизнь кипела: лаяли собаки, хлопали ворота, бегали ребятишки, по проезему тракту сновали туда-сюда лошади с седоками в санях, брякали ведрами бабы у колодца, белые дымы из печных труб столбами поднимались вверх, предвещая холодную безветренную погоду, а низкая позёмка, споря с печными дымами, вилась, завивалась по сугробам, хлестала в лица колючим снегом.

«Неясная погода», — думал Ваня, чем-то день закончится.

Тётка Зинаида тормошила племянника:

— Не бойсь, Ванюша, всё сладится. Я Сёму знаю.

В Кармалу приехали к обеду. Братья Пикулевы с семьями собрались у младшего, у Ефрема, в старой отцовской избе на дальнем конце Кармалы. Туда подкатили и гости. Просторный старый дом стоял в глубине усадьбы. Потоптались на низком крылечке.

— Ну, с Богом! — Ваня, перекрестившись, шагнул вслед за старшими.

— Милости просим, гости дорогие! Пожалуйте к столу. — Семён перекинулся взглядом с Зинаидой, глянул на Ивана, оценил причину визита.

Засуетились, привечая гостей, хозяйка Настасья-Ефремиха и Маланья Тимофеевна.

— Пимша, тащи ещё лавку, — скомандовал сыну Ефрем.

Как-то сразу всем понятно стало, за каким товаром пожаловали купцы. Вроде все улыбаются. Наськин батя похлопал Ваню по спине, оглядел придиричиво. Ничего, что отцовская рубаха великовата, зато почти новая. И пиджак. Чистый, хоть и с третьего плеча достался. Морозный воздух, ворвавшийся вместе с пришедшими в дом, рассеялся. В избе тепло, пахнет шаньгами, квашеной капустой да пивом. Наська сидит в дальнем конце стола, и головы в его сторону не повернула. А изба просторная, хоть и низкая. Вровень с полатями деревянная заборка с проходом, занавешенным цветастыми шторками.

Через неплотно задвинутые шторки видна зыбка на очепе. Ваня знал уже от тётки, что у Ефрема недавно дочь родилась. За столом, на дальнем конце, против Насы сидят пацаны. Ваня знал их. Двое Насыных братьев, Гриша-большой и Гриша-малко, и двое Ефремовых сыновей: Пимша и Петьша. Ваня, жуя хозяйские шаньги, запивая их квасом, осматривался вокруг, не особо вслушиваясь в разговор взрослых. Решил: что будет, то и будет, а уж он более себя навяливать не станет.

Молодёжь покормили и отправили вон из-за стола:

— Ступайте, за Афонаской приглядите. Да не шумите там.

Парни ушли за занавеску, Ваня с Насей сидят. Вроде взрослые они уже. Вроде их судьба сейчас решается.

Семён Васильич бороду в кулак собрал, прокашлялся, на сестру смотрит. Зинаида кивнула:

— Ступайте и вы, Нася, Ванюша, поиграйте с молодёжью.

Не названные ещё жених с невестой вспыхнули оба — и за заборку, к мальчишкам, в проёме едва не столкнулись, да Нася Ваню вперёд себя пропустила.

«Ладно, — думает Ваня, — однако странное какое-то сватовство выходит».

Сел на пол в кружок с парнями, Нася — на сундук, сидит, сарафан оправляет да глазами посверкивает, молчит. Парни, до этого оживлённо что-то обсуждавшие, тоже замолчали. Ваня оглядел честную компанию: пятнадцатилетние Гриша-большой и Пимша, оба уже выше Вани ростом, да такие же худосочные; хоть и двоюродные братья, а похожи, как родные. Оба темноволосые, чёрные глаза на тонких светлых лицах горят, как уголья. В плечах оба не сильно широки, но натруженные жилы на руках у обоих уже взбухли, как у взрослых мужиков. Малко с Петьшей, тоже ровесники, мало похожи. Петьша — как уменьшенная копия старшего брата, а Малко весь какой-то угловатый: широкое прямоугольное, слегка вытянутое лицо, стрижен

под машинку, под прямыми русыми бровями небольшие, будто топором вырубленные глазки, и растянутый в улыбке рот тоже как-то очень уж прямо разместился между носом и подбородком. И плечи, хоть худые, но широковатенькие для подростка, тоже очень прямые. Ваня среди этой компании выглядел как-то уж совсем несолидно: ни ростом не вышел, ни статью. Только синие глаза под густыми бровями, только шапка тёмных волос, откинутых назад, только яркий смеющийся рот. Но такими достоинствами только девок завлекать, это они на красоту личика падкие. Парней синими глазками не обаять. «А ведь они родней мне скоро будут, — так думал Ваня. — Ладно, пустим в ход острый язык да весёлый нрав». И вот уже жених вполголоса травит байки о своих приключениях, парни сдавленно хохочут, чтоб не разбудить малую в зыбке, да и Нася, отвернувшись, смеётся в кулачок.

— Ну вот. Возвращаемся мы лонись с гулянки: я, Фомка и Манька с сестрой. У нас в Садке молодёжи-то и нет больше никого. А пошли другой дорогой, через ложок, вроде так покороче. Мы-то с Фомкой дорогу эту знаем, а девки — нет, первый раз идут. Там и не дорога вовсе, а так, тропка хорошая. Ну вот, доходим до ложка, а там внизу на тропинке два глаза светятся. Волк! А ночь тёмная, глаз выколи. Что делать? В логу урема сплошная, тропка — двоим не разойтись, и он стоит на самой тропке. Назад вернуться? Там поле чистое, до деревни уже далёко. Догонит. А мы уж чуть не наполовину в лог спустились. А наверху, позади, одна-единственная берёза стоит, раскорячилась. Фомка говорит: давайте, мол, мы с Ванькой вниз побежим да орать будем шибко, волк испугается и убежит. А не убежит, так мы палками его. Мы уж по палке-то здоровой с ним загодя припасли. А вы, говорит, в то время бегите наверх да лезьте на берёзу. Волки-то по деревьям не лазят. Так и сделали.

Ваня перевёл дух, оглядел компанию. Парни аж рты пораззявили, Нася глаза расширила, ладошкой рот от страха прикрыла.

— На волка? С палками? — Гриша недоверчиво покачал головой.

— Ну, а дальше?

— Ну что дальше? Мы с Фомкой заорали что есть мочи да в лог побежали. Заодно гнилушки эти, что в темноте светятся, ногами потоптали, чтоб не светили больше. До самого дома шли с ним — хохотали. А девки на берёзу полезли. Небось, до утра там сидели, пока не рассветло.

Парни дружно захохотали. Афонаска в зыбке недовольно захныкала, и Нася склонилась над ней, пряча улыбку. Ваня заметил, как Гриша переглянулся с сестрой, кивнул на Ваню и показал большой палец — мол, подходящий жених.

А Ваня всё поглядывал за штorkу: как там его вопрос решается? Вроде всё идёт ладом. И с новым воодушевлением продолжил развлекать будущую родню и невесту. Надо показать и свои деловые качества.

— А вот кто из вас умеет пчёл разводить? — Ваня строго оглядел ребят. Все смешно таращили глаза, приподняв плечи вверх. — Ну, понятно, только кушать медок-от умеете. Ничего, это дело поправимое. Мы раньше тоже пчёл не держали, а вот завели.

И Ваня рассказал в лицах и деталях, как дядя Вася привёз им первую колоду, как повесили её на ёлку, как он научил его эти колоды выделывать да рой сажать, а после за пчёлами ухаживать да мёд качать. Как жизнь у пчёл интересно устроена. Про пчелиную жизнь Ваня мог бы долго рассказывать, потому как из всех известных ему работ возня с пчёлами казалась ему занятнее всего. Но старшие закончили застолье. Парней выгнали на улицу продышаться перед сном, а бабы стали стелить постели.

По всему было видно, что переговоры прошли успешно, однако молодым так ничего и не сказали, ни о чём не спросили. Ночью все парни спали вповалку на полу. Под утро, ещё спали все, Ваня встал, будто на двор, заглянул на печь — там Нася с краю спала, да тоже сон её чуток был. Только глянул на неё, она глаза открыла, на него смотрит. Оглянулся — вроде спят все. Он на лесенку приставную, Насю за руку взял.

— Пойдёшь за меня?

— Пойду.

Задумался Семён Васильич: как бы не прогадать, когда все правила в жизни поменялись? Паню, старшую, в крепкую семью отдал, а семью эту всю по ветру развеяли. Да и самого его от расправы только то спасло, за что он на отца своего всю жизнь в большой обиде был.

Когда сам Семён Васильич женился, отец ему с молодой женой в своём доме отказал. И за то отказал, что Семён свою Маланью до свадьбы взял, не утерпел. Наутро после свадьбы, когда этот грех всем гостям понятен стал, отец никаких оправданий сына слушать не стал, указал молодым на дверь. Тоже — праведник.

Жили у них в деревне старичок со старушкой, им ещё тогда уж досмотр был нужен. Дом у них хороший был — две избы на одних просторных сеньях, а детей в живых не осталось. Вот к ним «в дети» и привёл Василий своего сына с молодой женой. Шибко тогда Семён Васильич на отца своего осерчал, ну, со временем всё же примирились. Семён, хоть жил в чужом доме, помогал отцу со строительством нового большого дома в два этажа. Отец, будучи местным наставником староверов, мечтал на первом этаже большую молельню для всей деревни устроить, а сам с семьёй планировал жить на втором этаже. Семён однажды не утерпел, спросил отца, дозволит ли отец ему со своей семьёй тоже жить в новом доме. Отец отказал. Сказал: мол, ты, Сёма, парень бойкий да хваткий, и без меня проживёшь, сам как надо в жизни устроишься. А Ефрем у нас тихоней уродился, он со мною жить будет. Ох и обидными тогда Семёну отцовские слова показались, хоть он вроде и похвалил старшего сына.

Старичок вскоре умер, а старушка — все её Лёлей звали — и по сей день жива. Когда власть переменилась, и сунулись было к Семёну местные активисты, у него хорошая отговорка оказалась: «Да вы что, мужики, у меня и дома-то своего нет. Лёля всему владелица, а я, сами знаете, чужой ей человек, досматриваю её за угол в её дому». Угол — не угол, семья Семёна целую избу занимала, но старушку беспокоить не стали. Уважаемая была старушка. И вредная-я-я — отходить своей клюкой по хребтине могла запросто кого угодно. Не терпела, чтоб ей перечили. Это уж каждому в Кармале известно было.

Подивился тогда Семён отцовской прозорливости, а теперь вот сам гадал, как поступить, чтоб дочке жизнь не порушить. По теперешним временам выходило, что надёжнее с гольтьбой породниться.

— Пойдёшь за меня?

— Пойду!

Вот и все ухаживания. Отец с матерью согласия дочери и не спросили. Без неё всё решили. А Нася и рада. Мечтала она о Ванюше. Перебирала в памяти все те немногие моменты, когда встречались их взгляды, касались руки. Особенно тот, самый первый случай, когда сидела на его коленке посреди хоровода. «Как Ванюшка по горенке похаживает...» — всё звучала в голове та песня.

И вот она, мечта её, смотрит на неё снизу синими глазами, а в глазах мольба:

— Пойдёшь за меня?

— Пойду.

Глава 10. «Ты небо — я земля»

Уговорились свадьбу через неделю справить, а людям пока не говорить, что Нася про-сватана. Что языком зря мести? Через неделю приехал Ваня с матерью да со старшим бра-том, посидели чуток за столом с роднёй, погрузили сундук с приданым на сани, сзади к саням телушку годовалую привязали — тоже приданое — и прощай, родимый дом.

По деревенскому обычаю должен бы жених невесту от крыльца до саней на руках нести, да тут незадача: Нася — девка крепкая, полнотелая. Ваня рядом с ней несолидно выглядит: шибко худой, одежонка вокруг него на ветру как об жердиночку бьётся. Возьмёт на руки — ещё, поди, и не удержит невесту. Вот сраму-то будет! А народ уж со всей деревни собрался, ребятишки все заборы облепили, ждут — что будет? Насе тоже не с руки жениха перед людьми позорить, но — ему решать. А он не растерялся, видно, заранее этот момент обдумал. Посмот-рел невесте в глаза:

— Обещалась идти за мной, так иди! — и руку подаёт. Так и прошли по двору рядом, за руки держась.

Василиса Дмитриевна всё боялась, что невестушка и за стол-то с ними не сядет, и пищей их побрезгует. Да и что там есть: утром — квас с хреном, вечером — редька с квасом, а в обед — толчёный лук. Иван тоже побаивался, как-то семейная жизнь его сложится. Первый раз женился, опыта-то нет никакого. А Нася как вошла в дом — будто век здесь жила. Ну и пусть домик маленький да бедный, половичок на полу латаный-перелатанный, занавесок на окнах и вовсе нет. Это всё дело наживное. Главное — Иван рядом. К любой работе она приучена, приучена и мужа с матерью слушаться, маменькой свекровь с первого дня назвала. Василиса не смела помыкать новой снохой, как прежними, боялась спугнуть удачу. Старалась быть ласко-вой. Однако о кроснах своих Василисе пришлось забыть: Нася ушла работать в колхоз вместе с мужем. Советская власть бабью домашнюю работу считала теперь пережитком прошлого. А если кто из баб по этому поводу пробовал роптать, начальство грозило забрать в колхоз всю скотину до последней курицы и весь огород до последней морковной грядки. Мол, в колхозе будет вся ваша работа, а дома тогда уж только щи варите да печь боками давите.

Узнавали друг друга постепенно, не спешили. Она его слушалась, а он — виданное ли дело? — стеснялся её. Ночью на печи лежал рядом и не смел прикоснуться. Куда вся его удаль девалась? Днём на работе мужики подтрунивали над ним:

— Вань, а Вань, ты хоть спишь с женой-то?

— Сплю! — отвечал, а сам заливался краской.

— А как ты с ней спишь? — не унимался шутник.

— Да пошёл ты!

Ну, не сестра ведь она ему. Пришла ночь, когда опять лежали они оба рядом на печи, глядели в тёмный потолок, молчали. Тихо в избе, только ходики на стене тикают. Наконец мать в своём углу захрапывала — уснула, значит. Ваня несмело взял жену за руку, она замерла, потом повернулась к нему, подалась всем телом, а дальше — голова кругом, и всё случилось.

Утром Василиса глядит на своих молодожёнов — они сияют оба, как первый снег на солнце. «Ну, слава богу!»

Ваню Нася с первого дня Иваном величать стала, так, как колокол на церкви ей тогда прозвонил. Он удивлялся: обычно девки его Ванечкой да Ванюшей прозывали, а жена и Ваней ни разу не назвала — Иван, и всё тут. С другой стороны, солидно звучит, по-взрослому, ува-жительно. Вся жизнь он был младшим в семье — Ванька да Ванюшка. Вся жизнь приходилось доказывать, что и он тоже что-то в жизни смыслит, отстаивать своё мнение, доказывать, доби-ваться своего. Братья относились к нему снисходительно: мол, ну-ну, посмотрим, что из этого

выйдет, — а вот с маменькой всё время приходилось спорить. И вот появился в доме человек, для которого каждое его слово — закон. Не просто человек, а жена.

Полуденное солнце прожигает плечи сквозь намокшую от пота рубашку. Скоро рубашка высохнет, и ломота в теле сменится приятной усталостью. Иван любил эти ощущения своего тела, гудящего после напряжённой работы. В воздухе стоял звон кузнечиков, литовка шагавшей перед ним Наси сверкала отточенным стальным лезвием и вспыхивала огнём на солнце, мерно покачиваясь на плече жены.

«Жена, — снова удивился про себя Иван. — Вот ведь, жена! А говорили, не моего поля ягода. Оказалось, ещё как моего. Вот не побоялся, рискнул, и пожалуйста тебе — жена». За почти уж полгода своей семейной жизни Иван всё никак не мог привыкнуть, что он полноправный хозяин и повелитель этой статной молодки, легко шагающей по тропинке с литовкой на крепком плече. «Ведь почти от зари наравне со мной косила, нисколько не отстала, а смотри ж ты, идёт легко, едва земли касается. Ну и повезло же мне с женой».

Тропинка вела их с колхозного покоса вдоль коннозаводского угора. Справа угор плавно спускался к Большому логу, а слева невдалеке тянулся весёлый лесок. Иван отвлёкся от созерцания фигуры жены, чутко уловив какое-то едва заметное изменение слева. Так и есть, сквозь непроницаемую зелень деревьев местами пробивается солнечный свет. Он окликнул жену:

— Нася, поди-ко сюда.

Нася послушно остановилась, оглянулась, а Иван уже шагает по невысокой траве в сторону леска. Она пошла за ним.

Тропинки не было, и она шла через лесок по его следам. Он придерживал ветки молодых липок и осин, чтоб она прошла, не задетая ими. Вскоре лес расступился, и перед ними оказалась довольно обширная поляна.

«Пожалуй, стожок можно будет накосить», — подумал Иван, окинув нечаянную находку хозяйским взглядом.

— Глянь-ка, что делается! Ступить некуда! — Нася деловито воткнула свою литовку рукоятку в мягкую землю, сорвала большой лист мать-и-мачехи и скрутила его кулёчком прохладной гладкой стороной внутрь.

По всей поляне, будто кто густо набрызгал кровью, всюду краснели крупные ягоды земляники. Действительно, ступить, не раздавив добрую горсть ягод, было некуда. Нася быстро бросала в свой кулёчек ягоды, не забывая, однако, и себя. Иван опять залюбовался женой: белый платочек её немного сбился на сторону, и сквозь свесившуюся тонкую прядь русых волос виднелись разрумившаяся щека и задорный веснушчатый носик. Круглый подбородок, как всегда, упрямо торчал вперёд, а алый роток то и дело открывался, лоя спелую ягоду. Гайтан с простым крестиком выпал из ворота и свободно болтался на загорелой полноватой шее.

Иван опять подивился её одновременной проворности и покорности. Вот как она сейчас увлечена сбором земляники, кулёчек из листа мать-и-мачехи скоро будет полон до краёв — надо маменьку угостить, — а позови он её сейчас, забудет обо всём и пойдёт за ним тотчас. Иван ещё раз по-хозяйски оглядел поляну, заполненную, словно гигантское лукошко, земляникой. «Как щедра всё же наша земля! Неужто не прокормит нас безо всяких колхозов?» Этот вопрос приходил Ивану на ум всё чаще и чаще.

А небо над поляной ясное, чистое, безупречно ровное, из самых глубин его жарит щедрое солнце. Иван воткнул свою литовку рядом с литовкой жены, лёг на траву и губами стал срывать ягоды, поворачивая голову направо и налево. Потом тихо позвал:

— Нася!

Она тотчас выпрямилась, будто ждала. Он, улыбаясь, похлопал ладонью по траве рядом с собой.

— Иди ко мне.

И вот он уже срывает с её губ жаркие поцелуи. Обоих охватила дрожь. Чтоб как-то скрыть своё волнение, он проговорил хрипло:

— Давай я буду небом, а ты — землёй. Что у нас получится? — И столько нежности было в его словах.

— Ты земля — я небо, ты земля — я небо, ты земля — я небо...

— Ты небо — я земля, ты небо — я земля, ты небо — я земля...

Потом они, обессиленные, счастливые, юные, лежали, раскинув руки по траве, глядя сквозь полуприкрытые ресницы в небо. Земля была тёплой и ласковой, трава мягкой, разгорячённые лица охлаждал лёгкий ветерок, пахло клевером, кашкой, земляникой, ещё бог знает какой зеленью, гудели пчёлы в траве, шелестел листвою лесок, отделяя их от прочего мира. Хорошо. Хо-ро-шо! И пусть так будет всегда.

Дома их ждал Фомка. Колхозники уехали с покоса на двух телегах и давно уже все были дома.

— Ваня! Где ты бродишь?

Фомка всё ещё не был женат и не понимал, почему его дружок ходит с работы пешком, когда можно доехать.

— Ваня, я сейчас в контору зашёл узнать насчёт завтрава, а там никого. А на столе, под бумагами, газета. Гляди!

Фомка сунул Ване под нос слегка уже пожелтевшую газету. Иван недовольно отвёл руку друга. Не любил он этих газет. Ничего хорошего от них не ждал. Но Фомка настаивал.

— Нет, ты погляди, погляди! В марте ещё вышла, а наши оглоеды молчат, как рыба об лёд!

— Да что случилось-то? Нася! Кваску налей, пить охота — мочи нет.

— А ты сам почитай!

Фомка расстелил перед Ваней на столе газету, разгладил рукой. На первой странице, прямо под названием «ПРАВДА», выделялся заголовок статьи.

— «Го-ло-во-кру-же-ни-е от ус-пе-хов», — прочёл по слогам Иван. — От успехов ты, Фомка, так всполошился что ли? Где ты, интересно, успехи обнаружил?

Нася поставила перед парнями по кружке квасу, сама присела рядом, помахала ладошкой над кружками, отгоняя мух. Ваня медленно пил квас, соображая, как заставить Фомку самого прочесть эту дурацкую газетку. За свою единственную школьную зиму он только по слогам и научился читать. Дома из книг были только молитвенники, но там всё по-старинному писано. Той, старинной грамоте его мать да братья долгими зимами научили.

— А ты что, газетку-то у Кузьмы стянул, что ли? Вот он узнает, так задаст тебе свою мать! — хохотнул Ваня.

Председателя колхоза Кузьму Игнатьева ребятишки дразнили, когда он с важным видом вышагивал по деревне: «Кузька, покажи свою мать!» Но Кузькину мать никто никогда не видел, потому что прислали в Осиновский колхоз «Верный путь» председателя из чужих краёв. Решили, видать, что чужого больше уважать будут. Но вот ведь как ошиблись: раз Кузькиной матери никто не видал, то и самого Кузьку не больно-то уважали.

Фомка не унимался:

— Имею право знать, как равноправный колхозник, что товарищ Сталин про колхозы пишет! А Кузька наш — враг трудового народа, раз слова Сталина от нас скрывает! — Эх, любил Фомка газетными словечками блеснуть. Разошёлся не на шутку.

И вот они с Фомкой сидят рядом за столом, по очереди водят пальцем по газетному листу: «Не-ль-зя на-саж-дать кол-хо-зы. Нельзя насаждать колхозы! Си-лой. Силой! Нельзя насаждать колхозы силой. Ого! А наш-то?! Ну, давай, читай дальше».

— Э-то глу-по и ре-ак-ци-он-но. Глупо и реакционно. Вот оно как! Айда забирать своих коров, пока в колхозе их вовсе не уморили! — У Ивана аж в голове зашумело от таких новостей. — А Кузьма-то хорош! И помалкивает. У, вражина!

Парни дочитали статью до конца, и пошли по хуторским дворам с благой вестью от товарища Сталина. Оказывается, Сталин им вовсе не враг, а настоящие враги — свои же начальники.

Утром хуторские явились в Осиновик раньше обычного, разобрали свою скотину, тыча обалдевшему сторожу в нос газеткой. На полпути до Садка их догнал председатель на коне.

— Эх, дураки вы, дураки! Всё вы неправильно поняли. Ей-богу, как дети малые! Не для ваших слабых мозгов статья товарища Сталина писана, он вовсе не приказывал колхозы распускать! Попомните мои слова, когда кровавыми слезами умоетесь.

Желваки на костистой роже председателя ходили ходуном, кулаки так и чесались от желания отметелить этого вредного плюгавого мальчишку Некрасова, который наскакивал на него, как молодой петушок. Председателю сразу понятно стало, кто тут главный зачинщик беспорядков. Но его самого чуть не побили за то, что не распустил колхоз ещё в марте, как в газетке прописано. Мужики, вчерашние колхозники, требовали вернуть и земельные наделы.

«Вот ведь незадача. И что я в районе скажу? Как оправдаюсь? Да так и оправдаюсь, что Сталин велел не перегибать и народ не обижать», — воспрянул духом Кузьма.

— Ладно, мужики, не шумите. Забирайте скотину, а насчёт земли я в районе узнаю, там всё и решим.

— И коня нашего тоже отдавай! — Иван метал глазами синие молнии, ухватившись за уздечку Маркиза.

— Конь не твой, а брата твоего, Ивана, пай. — Председатель занёс-таки кулак над головой Вани, но вовремя разжал и брезгливо отбросил Иванову руку от уздечки. — Вот пусть он сам за ним и приходит, а то вишь умник какой выискался: его колхоз на работу отправил, а он убёг! С чем убёг, с тем и остался. Так ему и передай. И сам, смотри, не пожалей потом, да не возвращайся — не приму! — Председатель перевёл взгляд на Насю, скромно стоявшую в сторонке. — Жену твою приму, а тебя, разбойника, и не подумаю! И какой дурак за тебя такую добрую девку отдал?!

Председатель презрительно сплюнул. Нася вспыхнула, отвернулась.

— Пусть подавится нашим Маркизом, — грозился Иван, уплетая утрешные щи из общего чугунка. — Я себе ещё на двух коней без него заработаю. Иван говорил, плотники в Федоровском конезаводе нужны. Туда пойдём.

— А может, к Николаю, в Сарану? Люди сказывали, там на заводе рабочие требуются.

Василиса скучала по добродушному Николаю и втайне мечтала помирить сыновей. От людей слыхала, что Николай в заводе работает, но сам он вестей о себе родным не посылал.

— Не, к Кольке не поеду. Без сопливых обойдёмся.

Иван поскрёб ложкой по дну опустевшего чугунка, вылизал ложку и аккуратно положил на стол. Нася убрала чугунок со стола, налила всем по кружке молока. Села напротив мужа. Ей было всё равно, куда идти, лишь бы с Иваном, лишь бы ему было хорошо. Садок не был ей родным, Ивана-старшего она единожды видела. Он бы Ване и за отца сгодился. Пожалуй, лучше к нему. Про Николая свекровь рассказывала, что сильно добрый он, уступчивый; но какой же уступчивый, если рассорился с Иваном? В любом вопросе Нася безоговорочно была на стороне мужа. Значит, пойдём в Федоровский. Хотя её согласия никто и не подумал спросить.

— Пчёл Фомке продадим. Он давно нашим пчёлам завидовал, всё секреты у меня выпытывал, тогда, до колхоза ещё. А дом... — Иван обвёл глазами давно почерневшие брёвна стен, икону Симеона Богоприимца в красном углу (Насино родительское благословение), так и не достроенный сруб отцовского дома за окном. Последний закатный луч, словно огнём, чиркнул по его стене и погас. — Дом пускай стоит. Бог даст, может, и пригодится ещё когда.

Фомка предложению обрадовался, и торговаться даже не стал, взял за первую цену и перевёз все семь колод к себе этим же вечером.

Ночью Иван долго шептался с женой.

— Ничего, Нася, не бойсь. Вот разгонят окончательно эти колхозы — вернёмся, я дом отцовский у Кольки выкуплю. Оконные блоки сам выстругаю, поставлю. Плах на пол с Фомкой напилим. Я видал, как это делают, сумеем, справимся. Я всё выстругаю, отшлифую, будешь по полу, как по мягкой траве, ходить. И заживём мы с тобой не хуже твоего отца, вот увидишь. Я, сама знаешь, какой ловкий.

Утром, едва засветлело небо над рошей, быстро собрали манатки в узлы, что можно, погрузили на тележку, остальное перекинули через плечо, по два узла каждому. Нася взяла в руки большую корзину с курами, Иван покатил тележку, Василиса погнала перед собой корову да трёх овец, и побрели они этим табором искать счастья прочь из Садка, прочь из колхоза «Верный путь».

И всё же Ване было жаль покидать Садок. Ведь как хорошо здесь всё начиналось. Какие были планы, мечты. Посулила советская власть хорошую жизнь трудовому крестьянину, да уж одним-то глазком и показала. Да скоро всё и отняла. Неверная, ох, неверная эта власть. Иван остановил свою тележку, дождался жену, снял с её плеч узлы и уложил их поверх своей поклажи. За недолгое время пути мешки с добром вроде как утряслись. Василисины два мешка теперь перевязали на четыре поменьше и повесили на свои плечи. Посидели, попили кваску из бутылки и пошли дальше.

Только в ложок спустились — Фомка, которому вчера пчёл продали, догоняет их на своей подводе.

— Здорово, Иван! Я в Старую Куеду, садитесь, коли по пути.

— Вот Бог-то тебя послал! — обрадовались путники. Побросали свои узлы в телегу, корову тоже к телеге привязали, Василису отправили с Фомкой, а Иван с тележкой да Нася с овцами побрели пёхом.

К обеду успели-таки к тётке Зинаиде. Там же, в Старой Куеде, продали овец и вечером были уже в Кармале.

Семён Васильевич гостям обрадовался, но, узнав, что зять со скандалом ушёл из колхоза, посуровел.

— Ох, с огнём, Иван, играешь. К ним ведь спиной не поворачивайся, быстро пулю затылком поймаешь. — Помнил Семён судьбу своего отца.

Василиса вступилась за сына:

— Да, небось недолгая эта власть. Ещё пошатаются, помозгут да и отпустят людей на вольную жизнь, обратно НЭП заведут или ещё что.

— Ну, жди, жди. Они теперь распробовали, как из мужика жилы тянуть, ни за что не отступятся.

Иван не сдавался:

— Так ведь сам товарищ Сталин...

Удар увесистого кулака тестя по столу заставил его замолчать.

— Товарищ? Ты что, пил-гулял с ним, девок за амбаром щупал? Фомка Белкин тебе товарищ, а Сталин... — Семён Васильевич опасно глянул за окно — не стоит ли кто, не слушает — и продолжил громко, внятно, со всем уважением, какое только смог вложить в голос: — Сталин нам всем — отец родной. Отца слушать надо, а не рассуждать. Сказал — в колхоз, значит, в колхоз.

Семён Васильевич не спеша встал из-за стола, выглянул в окошко, аккуратно затворил его, задёрнул ситцевую занавеску, сел обратно на лавку и продолжил разговор теперь уже совсем тихо, горестно качая головой.

— А про головокружение в газетке — это, Ваня, для дураков. Чтоб обнаружить их всех, дураков этих несогласных, сосчитать — и к ногтю. Помяни моё слово. Хотя ваши, осиновские, перегнули, конечно, палку-то. Гли-ка, и последнюю корову в колхоз, и всё. Нам хоть одну корову на семью оставили. В деревне жить — и молока не видать?! Жди, когда они трудодни-то оплатят. Трудоднями ихими сыт не будешь, надо крутиться, как уж сумеешь. Ну да ведь ты, Ванюша, теперь сам с усам, тебе видней, как жить, а мне ещё сыновей поднимать, их в жизнь выводить.

Семён Васильевич походил по избе от окна к окну, сам на каждом задёрнул задергушки, снова сел на лавку.

— Напрасно ты, Ваня, так резко себя повёл. С имяь ведь ссориться — себе дороже. Вон, сам видишь, без лошади остался. Эх, нет у тебя отца, некому учить. А им ведь токо в глаза их заглядывай да улыбайся — целее будешь.

— Улыбайся дуракам-то, — опять заступилась за сына Василиса. — Власть-то их всё одно недолгая. Видано ли дело — христьянину без коровы да без лошади перебиваться. А молотилку? Молотилку ещё в двадцатом за просто так забрали! Вишь ли, не может быть у человека средства производства по их законам. А как человеку без средства этого хлеб производить? Потом сами же на эти средства кредит дали, дак ведь кредит-от этот недёшев был, а мы всё до копейки отдали, лишь бы жить дали по-людски. А потом только было поднялись — опять со своими колхозами насели. Дался им этот колхоз. Неверная эта власть, нет на неё никакой надежи. — Василиса отпила молока, отёрла морщинистые губы. — А Кузька наш, председатель, он же ведь дурак и пьяница. Лошадь вот не отдал, не ваша, говорит. А как не наша? Старшой наш, значит, и лошадь наша.

— Дурак — не дурак, а пока у них власть — они и хозяева. Не перечь. — Семён видел правду в сватяиных словах, но кому она нынче нужна, эта правда. Нынче другие законы.

Солнце уже закатилось за Каторгу, но было ещё по-летнему светло.

— Конечно, — продолжил Семён, — они там у вас совсем рехнулись: единственную корову забрать да угнать в соседнюю деревню. Надо было собрание собрать — они собранья-то шибко любят — да на собрании решить хоть маленькую, да свою ферму в Садке организовать. Думать надо, Ванюша, а не норов выказывать. На обидах-то далёко не уедешь. Думаешь, мне не обидно было, когда они новый дом отцовский, почти готовый, в двадцатом по брёвнышкам раскатали да за здорово живёшь в райцентр увезли? Обидно, ещё как обидно. А я обиду свою проглотил и первый в колхоз записался. И все амбары свои, все конюшни вместе с конями им отдал. А сам в конюхи пошёл. Тяжёлая работа, да. Это не за парой лошадей смотреть, у нас их пятнадцать голов набралось. И на работу раньше всех придёшь. Благо идти недалече — улицу только пересечь. Да. И уйдёшь последний. За день-от намашешься — спина трещит. А что делать? Зато у властей ко мне никаких претензий нету. Кому какую надобно лошадь, пару, на выезд — у меня всегда наготове. Только пусть председатель либо бригадир распорядится, а сам я — ни-ни. — Семён Васильевич вдруг ни с того ни с сего подмигнул зятю. — А вот когда кони мои были, то и навоз был мой. Весь в моём поле-огороде. А теперь, я вот в прошлом годе конюшни все вычистил, навоз в продыхи за стену скидал. Жду. Никто навоз этот не пользует, в поля не развозит. Стало быть, не надо никому. Я собрал всё и на свой огород свёз. Видал, какие гряды огуречные у меня высокие? Чуть не в метр. А огурцов сколько! Маланья моя как собирать пойдёт, так на полянку и бросает, и бросает. А после в бочечки складёт да засолит — ум отъешь! Вот, может, и вся польза мне от этого колхоза. А вот Ефрем у нас тоже сильно обиделся, когда дом-от наш увезли. Он ведь сам в том дому жить планировал. Мне отец в новом доме отказал. А оно видишь как вышло: дом-от тятин у Ефрема забрали, а с меня вроде как и взять нечего, у меня дома своего нету, я чужую старуху докармливаю. Вот.

Прибежали с улицы два Гриши, румяные, весёлые. Бросились обниматься-ласкаться с сестрой, важно поручкались с Иваном, поклонились Василисе и быстро убрались на печь.

Маланья подала им туда шанег да по кружке молока. Сама отнесла ужин старухе Лёле в её избу. Зимой дрова сэкономили, и Лёля жила вместе со всеми, а на лето уходила в свою избу.

Гриша-малко устроился под боком у старшего брата и наблюдал, как отец разжигает керосиновую лампу, как мошкара тут же начинает биться в закрытое окно, как крестится на образа Наськина свекруха, как неслышно кружит маменька по избе от печи к столу, от стола к залавку, от залавка к лохани под умывальником за печкой, потом к сундуку у двери и снова к столу. В маменькиных руках то появляются, то исчезают разные предметы: она что-то берёт, ставит, достаёт, убирает, вытирает. А маменькин сарафан колоколом кружит вокруг её худенькой фигуры то в одну сторону, то в другую. Это кружение маменькиного сарафана всегда завораживало мальчишку, успокаивало, умиротворяло. Голос отца звучал не строго, тоже убаюкивал.

— Я вот не отец тебе, Ваня, а теперь уж не чужой человек. Ты меня послушай. Что сделано, то сделано. Не вернёшь. А на будущее старайся норов свой не выказывать. Не любят они норовистых, потому как сами такие. К ним спиной не поворачивайся, — снова повторил не дававшую ему покоя мысль Семён Васильевич, — прилетит, и не поймёшь откуда. Что скажут — делай, а сильно вперёд тоже не забегай. Ни к чему это. Дураков-то много среди них, но, бывает, и дельные люди попадают. Ты на дураков-то не обижайся, а умным помогай — глядишь, и выгребем как-то из этой каши.

Семён Васильевич помолчал, глянул на печь, откуда за ним наблюдали четыре глаза.

— Будет вам уши греть, шерёда!

Мальчишки тут же спрятали свои головы, чтоб не гневить отца.

— Ишь, слушают они! — с притворной строгостью ещё раз прикрикнул на сыновей Семён Васильевич. — Да пушай слушают, — обращаясь к зятю, уже добродушно сказал старик. — Кто ж их, кроме отца родного, жизни научит. Ефрем вон не слушает меня, так и живёт единоличником. Молчит, не спорит, но и в колхоз не идёт, и начальству глаза не мозолит. Они в его-то конце редко бывают, вроде как незачем им. Придут к нему, а он молчит, слова не вымолвит. Может, думают, немтырь. Ко мне раз председатель приступал: мол, почто брат в колхоз не идёт, показатель мне портит? У них сейчас всё показатели сплошные. Они теперь показатель и на стол человеку кладут, и шубу к зиме из показателя шить будут. Я, говорю, товарищ председатель, за коней колхозных в ответе. Поставишь мне Ефрема в стойло — я отвечу за него, а так — нет. Сам с ним разбирайся, я за него не ответчик.

На печи прыснули мальчишки. Представили, видно, дядьку Ефрема в колхозной конюшне, мотающего головой, как старый мерин. Даже Маланья голос подала:

— Ты бы не шутил так, Сёма. Петрович хоть и вредный мужик, а всё ж начальник.

Маланья всё кружила по избе, и все: и суровый муж её, и строптивый зять, и Нася, прижавшись к мужу, склонив голову на его плечо, и мальчишки на печи, — все смотрели на кружение Маланьиного сарафана, и каждого это кружение погружало в какое-то тихое, невысказанное счастье. Счастье не где-то там, в далёком будущем, за которое неугомонные коммунисты призывали неустанно бороться, а прямо здесь, сейчас, в этой избе, где поучает отец, где хлопочет мать, где поёт за печкой сверчок и чадит керосиновая лампа, где пахнет шаньгами и помоями, развешанными по углам букетами полыни и потом отцовской рубахи, где тонкое оконное стекло защищает их всех от надоедливых мошек и кусачих комаров, от темноты ненадёжного мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.